
Тая Глиб
Я причиню тебе добро
ЛЮБОВЬ

Тая Глиб

Я причиню тебе любовь

«Литнет»
2026

Глиб Т.

Я причиню тебе любовь / Т. Глиб — «Литнет», 2026

Он – на детоксе от отношений. Она – верит в большую любовь, но пока умеет лишь «причинять добро».– Волонтёрский центр не двинется с места! – Вчера ты шла говорить о помещении, а выглядела так, будто подрабатываешь в эскорте. Обознался. – Мы работаем с ментальными расстройствами детей. Переростки, то есть вы, – не наш профиль. – Кусачая значит. Простишь за вчера? – За прощением – это в вышестоящие инстанции, у нас только горящий котёл... – Ваш центр – филиал ада? – Если жизнь посылает к чёрту, многие люди приходят сюда. Мы минимум «Приадье».Аннушка уже разлила свою вздорность и задорность по сердцу Демида. Теперь мизогину придётся пересмотреть взгляды на жизнь, а ей – признать, что её котёл закипел не только от злости.

© Глиб Т., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Добро от него 12
Глава 2. Дегустация 16
Глава 3. Бумеранг добра 21
Глава 4. Приадье 24
Глава 5. Косячные аккорды 28
Глава 6. Предложение руки 32
Глава 7. Сделка с «дьяволом» 36
Глава 8. Недолго мучился 40
Глава 9. Ночной доз(ж)ор 43
Глава 10. Веселые утры 47
Глава 11. Разговоры о важном 51
Глава 12. Виват, королева! 54
Глава 13. Первый шаг 58
Глава 14. Разбор полетов 61
Глава 15. Фиктивные душнилы 65
Глава 16. Контракт 71
Глава 17. Подготовка 73
Глава 18. Двуликий 77
Глава 19. Читать между строк 80
Глава 20. Триггеры 83
Глава 21. Разговоры с Габой 88
Глава 22. Корректирующие мероприятия 92
Глава 23. Нефиктивная 94
Глава 24. Не по плану, но правильно 98
Конец ознакомительного фрагмента. 99

Пролог

– Аня, ты красавица! – с придыханием вещает мелкая.

Из зеркала на меня смотрит неузнаваемое нечто.

Чёрное платье чуть выше колена облегает фигуру. Вырез подчёркивает грудь. Рыжие волосы россыпью кудрей лежат на плече.

Финальный штрих – дерзкий макияж в технике смоки-айс.

В зеркале рядом со своим отражением вижу и эту мелкую бандитку.

Прямо я в детстве!

Лишь бы опека не придралась.

На коленках Иринки (она же Ириска) ссадины – следы покорения ближайших гаражей, на руках – царапины от объятий с нашей кошкой Василисой (Сифилисой, или кысь-жрысь), а под глазом красуется синяк от падения в подполье. Это уже мой недогляд и привычка мелкой считать ворон. И всё это в её-то пять с половиной лет!

– Ириска, побудешь немного дома одна? Только не шалить!

– Ес-с-тественно! – тянет она, шепелявя.

Зубы у неё сейчас активно меняются: половина – сама собой, половина – иным, травмоопасным путём.

– У Стаси есть ключи. Она приедет с занятий с малышнёй и за тобой приглядит.

– Я большая уже! Нечё за мной смотреть! Да и Сифилиса со мной, и Адя во дворе.

Да уж, с нашей ОПГ она сила!

– А кто в прошлый раз чуть пожар не устроил?

– Подумаешь, решила печку затопить. Я же не знала, что розжиг льют только в мангал!

Хорошо, что подпалённые брови и чёлка уже отрасли, а то точно нам пришёл бы конец от очередной МарьИванны из опеки.

– Короче, спички не трогать!

– Угу. А ты надолго?

– Думаю, нет. Нужно решить вопрос с помещением для нашего волонтёрского центра.

– А чё нарядилась?

– Чтобы произвести хорошее впечатление.

– Впечатлять пошла?

– Почти.

Оставляю Ириску. Закрываю на все замки. Через полчаса должна прилететь моя подруга по универу и волонтёрству Стася. А пока девица в темнице. Блин, а коса – на улице.

Довольная мордашка Ириски торчит из форточки.

– А ты мне вкусного принесёшь?

– А что ты хочешь?

– Шоколада!

– Хорошо. Будет тебе «шоколада». Только без криминала!

У нас половина старого дома на два хозяина и загульный сосед – пересидок Колян.

Недавно он вернулся, и жить стало веселее.

Съехать нам пока некуда – терпим, отбрехиваемся от подкатов, призываем к совести. Иногда используем подручные инструменты – биту и наш зверинец в виде мастифа Ади (он же Адольф) и кошки Василисы.

Я Аня Скворцова – руководитель волонтёрского центра, и мне двадцать три года. Звучит как приветствие в обществе анонимных алкоголиков. Но как есть. Волонтёрство – это ведь тоже зависимость, тяжёлая и неизлечимая. От неё так же непросто избавиться, она жрёт все силы, высасывает финансы и на корню выжигает личную жизнь.

Из личного у меня, к слову, целых три иждивенца, которые раскрашивают мои будни во все цвета катастрофы: малолетняя сестра-поджигательница и два боевых питомца.

Мамы не стало три года назад.

Отчим свинтил в неизвестном направлении ещё до рождения Иришки.

Своего отца я вообще не знала.

Теперь я за главную – рулю чужими проблемами и причиняю всем добро.

Мне самой это добро почему-то рикошетом не прилетает, но пусть хоть кому-то…

Еду на встречу с Демидом Хромовым.

Этот человек решил «отжать» наши сорок квадратов, в которых расположился Центр, чтобы выкупить вдобавок и часть первого этажа под салон красоты для своей барышни.

Какой красивый жест. Наверное, это романтично – дарить бабам здания.

Не мне оценивать. Я из подарков получала только грамоты за активную жизненную позицию и пи*дюли за неё же.

В моей реальности всё всегда добывалось с боем, с битой наперевес или на чистом везении.

Собственник помещения, Аркадий Петрович, решил уступить это «кусок пирога» в виде квадратных метров нашего Волонтерского центра Хромову, а мы должны искать новое место.

К решению этого квеста я могла подключить меценатов и помощников-волонтёров – Сокола (Олега Соколова, известного в нашем городе бизнесмена) или его друга и коллегу Сеню (Арсения Боровских). Но с чем-то же я должна справляться сама. Тем более речь идет не о наших подопечных и гуманитарке. Помещение – это моя личная проблема.

Помощник Хромова, некий Иван Сотников, посоветовал переговорить с боссом лично. Возможно, он изменит решение.

Стою у дверей охренительного особняка, до которого еле добралась, стерев туфлями все пятки. После привычных кроссовок шпильки – это такие себе скороходы.

Настраиваюсь.

Я буду нагло пушить хвост и кусаться, но помещение не отдам!

В голове настойчиво крутится строчка из стихотворения, которое на празднике лета шепелявила Ириска: *«У меня есть киса, киса Сифилиса! А у Сифилисы хвост такой пушистый!»*

Не могу сдержать глупую улыбку. И именно в этот момент дверь открывается…

Со сквозняком мне в глаз прилетает какая-то соринка. Забыв про вежливость и необходимость поздороваться, я в сердцах выдыхаю:

– Блин!

И принимаюсь яростно тереть веко, напрочь забыв про макияж.

– Оуч…

Больно. Перед глазами пелена из слёз. Слышу смешок. Мне явно открыл дверь мужчина.

Что ты смеёшься, размытое пятно?!

Кое-как промаргиваюсь.

Видимо, мой хвалёный «смоки» теперь выглядит вообще не айс.

Мужик на пороге дома начинает откровенно лыбиться во все тридцать два. Красавчик!

– Здрасьте. Помочь или уже лучше?

– Лучше.

Да, не так я представляла нашу встречу.

– Что-то ты рано. Мне нужно сопровождение на восемь, а сейчас семь.

– Я не сопровождение. Я…

Он не даёт мне сказать. Жестом просит пройти в дом, а сам разворачивается и идёт вглубь, бросая на ходу:

– Да как хочешь называй. Проходи. Выпьешь чего-нибудь? Можешь расположиться в гостиной.

Не успеваю ничего сказать – язык будто к нёбу прирос. Смотрю на удаляющуюся от меня накачанную спину, просто залипательные мышцы и бёдра, прикрытые полотенцем.

У, какой!

Мысленно даю себе леща: *«Ты здесь не за "посмотреть", а за "поговорить"».*

– В ванну сходи... – бросает мне он и пропадает за одной из дверей.

Зачем это ещё? И что мне там помыть? Больное воображение сразу подкидывает тысячу вариантов... А губы выдают:

– Нет, спасибо.

– У тебя тушь размазалась. Если ты не хочешь играть роль панды, то приведи себя в порядок.

Упс...

– А где ванна?

– Дальше через холл. В гостевой комнате.

Опять он на что-то намекает? Или это мои половые железы как-то бурно принялись вырабатывать гормоны?

Стоп!

Иду стирать глаза панды, а потом уже... А что потом-то?

Нахожу нужную комнату.

Она достаточно большая, светлая, с огромной кроватью. Есть гардеробная. Пустая. И ещё одна дверь – ванная.

Иду, стараюсь не пялиться по сторонам и не анализировать. Но мозг сам выдаёт выводы: *«Мечта!»*

Наш дом без ремонта, в полуаварийном состоянии, с вечным моим хендмейдом в виде «украшательств» подручными средствами – ну, такое...

Привожу себя в порядок и выхожу обратно. Сталкиваясь с хозяином этого дворца уже в дверях спальни.

– Другое дело. Сейчас можно тебя людям показывать. Не люблю рыжих. Почему отправили тебя? Да и юная слишком. Скажут, что Хромов уже на малолеток кинулся. Тебе 18-то есть?

– Чё?!

– Ох! «Чё»... – передразнивает он. – В твоём случае лучше молчать, чем говорить. Всё равно времени на замену нет. Едем!

– Э, я никуда не еду.

– Девушка, я не заказываю эскорт с продолжением. Только реальное сопровождение. Ещё не хватало мне обмена жидкостями с такими, как вы.

– Чё?

– Опять это «чё», – он прижимает свой большой палец к моим губам, а я замираю – то ли от испуга, то ли хрен пойми от чего. – Тихо. Ни слова!

Моей выдержки хватает на несколько секунд.

– Я не эскорт. Я по поводу помещения для волонтёрского центра.

Хромов сводит брови, но не обрывает меня. Палец не убирает. Кивая, даёт понять, чтобы продолжала.

Но это как-то странно – говорить о деле, когда глаза в глаза, когда его ладонь скользит по щеке и придерживает меня за скулу, а чувственные пальцы начинают поглаживать.

Так я иногда чешу Ади, когда он сыт и разнежен на солнце. Без остальных условий он может и руку по локоть откусить.

Будь как Ади, Анька! Сейчас ни солнышка, ни полного желудка – кусай!

– Держите руки при себе! Вы меня как собаку чешете!

Он медленно отстраняется.

– Чешете? – Его брови летят вверх, как и уголки губ.

– Да, будто я собака или кошка.

– Ну, видимо, ты из тех животных, которые не про ласку? Идём, необласканная кошка. Поговорим о твоём деле.

Иду за качком.

Отмечаю, что он успел переодеться.

В одежде его фигура не стала прозаичнее.

Чёрная рубашка, брюки, дорогие часы, хорошие ботинки... А запах... У него очень притягательный парфюм. Это что-то про мужественность и секс.

Ни первого, ни достойного второго рядом со мной никогда не пробегало, но, думаю, это они.

Гостиная – три моих дома.

Здесь только огромный диван, пара кресел, встроенный камин и журнальный столик из какого-то красивого стекла. Очень стильно, дорого…

Пространство буквально дышит.

В таком интерьере не может жить душнила! Так ведь?

Должно быть, Хромов – нормальный мужик.

Хотя больное подсознание подкидывает другие мысли.

Отжать помещение у волонтёров – это жлобство.

Снимать баб на выход в свет – это потребительство даже в отношениях.

Так, стоп, а зачем ему эскорт, если у него есть та, которой он дарит мои временно оккупированные квадратные метры?

Или у них так принято: отношения с одной, компаньонка на вечер – вторая, а про секс – третья?

Что-то меня понесло.

Ходят слухи, что на первом этаже и на нашем цоколе планируется открыть салон красоты, и вроде бы он для дамы «Хромовского сердца».

У него есть сердце?

Хромированное или хромое?

Опять куда-то меня несет.

Интересно, что бы на мои ассоциации сказал дедушка Фрейд?

Зигмунд Яковлевич, помогите мне!

Мысли скачут – это от волнения или от тех спазмов внизу живота, что проявились при появлении этого мужчины?

Из размышлений меня вырывают его слова:

– Отомри!

– Эм…

Быстро беру себя в руки и объясняю нашу ситуацию.

Хромов молчит, только иногда кивает.

– Я понял. Тогда сделка! Ты идёшь со мной на приём – я думаю, как тебе помочь.

– Не, не, не…

– Слушай, женщина-кошка. У меня времени не вагон. Ты помогаешь мне, я – тебе! Считай – взаимовыгодный обмен услугами.

У меня вылетает глупое оправдание:

– У меня нога стёрта, как я пойду?

Он ведёт глазами от моих щиколоток и изрядно покрасневшей кожи. Скользит по икрам к бёдрам.

От этого внимания меня немного внутренне поколачивает.

Хочется подсобрать свои конечности или хотя бы чем-то прикрыть их.

Он бросает короткий смешливый взгляд:

– У кошки болят лапки? Когда сидишь, не болят?

– Нет, – ляпаю я не подумав.

– Вот и там посидишь. Доставку я обеспечу.

Он сгребает меня на руки и выносит на улицу к машине.

От неожиданности внутренняя львица замерла. А его горячее тело, мощные руки и охрененный парфюм просто отключили мозг.

Блин, меня никогда не носили на ручках!

За одно это ты уже должна ему помочь, Анька.

Сопротивление на нуле.

Он усаживает меня в авто – а по ощущениям, как принцессу в карету.

Пристегивает. Едем.

Мозг из кашеобразной субстанции наконец-то начинает возвращать свою форму.

– Куда мы?

Не отрываясь от дороги, он бросает:

– День рождения моего партнёра. Отца бывшей девушки Альбины, с которой сегодня мы официально рвём. Ты – причина.

– Это же подстава вселенского масштаба!

– Что ты вообще знаешь о подставах? Не думай! К тебе вопросов ни у кого не будет. Именинник знает о разрыве с его дочерью. Это скорее акт визуального подкрепления. Улыбаться умеешь?

– Да!

– Порепетируем?
Намеренно изображаю звериный оскал.
– Ну вот, почти так же, только чуть меньше экспрессии! – стебётся он.

– Так? – меняю я тактику, демонстрируя щенячий восторг.

– Не перебарщивай!
Улыбаюсь сдержанно, как и всегда.
Улыбка вообще не особо моя мимическая реакция последние три года.
– Вот так хорошо. Запомни эту маску.

– Как же у вас чудно всё в вашей стране Ненормальнии.

– А то! Как зовут-то?

– Аня.

– Анютка, значит…
Ну всё. Так ласково меня только мама в детстве называла. Сражена наповал!
Забирай что хочешь, только от помещения откажись.
Мы уже подъехали к особняку. Слышна музыка и много голосов.
– Ань, пройти сто метров сможешь? Немного постоять? Потом я найду тебе место, и присядешь.

– Угу.

– Пробудем недолго. Часа полтора. Затем отвезу куда скажешь.

– Ок. Помещение центра моё?

– Решим.

– Не нравятся мне такие неоднозначные формулировки.

– Мужчина сказал «решит» – значит, решит. В ущербе не останешься.
Причинять добро – по моей части, но, может, в этот раз и мне немного перепадёт? Наивная я, да?

Сегодня на несколько моих романов действует *скидка 20%*.
Успейте приобрести по выгодной цене. А читать их можно в любое время!

Мои самые горячие истории вас ждут ЧИТАТЬ СО СКИДКОЙ ЗДЕСЬ https://litnet.com/shrt/xj34

Глава 1. Добро от него

Аня

Странно идти рядом и быть неопознанными.

Как к нему обращаться? По имени-отчеству, но я его отчество благополучно забыла. Просто Демид? Мы не друзья. Хромов – фамильярно. «Вы» – холодно. «Ты» – слишком интимно...

Зигмунд Яковлевич, спасайте, я заваливаю этот квест!

Тут Хромов отмирает:

– На празднике можешь звать меня просто по имени. Демид.

У него что, встроенный локатор на мои мысли?

Вместо нормальной речи выдаю сиротское «угу». Щёки мгновенно вспыхивают. Хромов косится, безбожно лыбится и вдруг легонько щёлкает пальцем по кончику моего носа.

– Надо же, рыжая – и не бесстыжая! Раскраснелась вся.

Хромов и такие жесты?

Но себя я не узнаю ещё больше. Моё внезапное молчание и этот внутренний монолог в голове – какая-то аномальная странь.

– Не волнуйся, – добавляет он. – Никто не посмеет задавать тебе вопросы о нас.

Внутри включается сирена, а позвоночник обдаёт холодком. Так мой организм реагировал только на две субстанции: отчима и бывшего. Оба – эталонные, породистые козлины. Но сегодня-то мне эта комбо-встреча не грозит? Хромов не похож на парнокопытного? Так ведь?

Всё, дышим ровно, ловим дзен.

Перед нами вырастает «шикарный» особняк. На его фоне даже хромовский кажется скромной хижиной. Шутка.

Стиль – а-ля цыганский классицизм с элементами «не-барокко»: красный кирпич с белой лепниной. Вдоль центральной дорожки, обсыпанной гравием, – вазоны из белого не-мрамора с какими-то цветами.

За домом празднование. Грохочет сомнительная музыка.

Навстречу выдвигается колоритное тело: мужик лет шестидесяти, слегка лысоватый и основательно подвыпивший. На нём рубашка, пляжные брюки-парусины и… белый пиджак с неуместной красной подкладкой.

Прыскаю от смеха, бубня под нос:

– *«В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой…».*

Хромов мечет в меня стрелу вопросительного взгляда.

Удивлён?

Да, некоторые рыжие-бесстыжие читают классику!

На меня этот местный «прокуратор Иудеи» косится так, будто я предстану перед судом. Понимаю: это батя той самой девушки, с которой Хромов оформляет великий «развод».

– Демид, добро пожаловать! – гремит мужик.

Хромов уверенно тянет ему руку. Взгляд твёрдый, волевой – скала.

– Артур, поздравляю. Желаю долгих лет. Подарок уже прибыл?

– Да, спасибо. Хоть от тебя и Али… – он подчёркнуто зыркает на меня, – …я ждал совершенно других «подарков».

– Не судьба, – сухо отрезает Демид.

– Да не в судьбе дело! Устроили детский сад! – «Понтий Пилат» снова кивает на меня, будто я – корень мирового зла. – Заделал бы Альбинке ребёнка, и девка сразу бы присмирела. А мне теперь из-за ваших капризов бизнес ломать?

– Я выкуплю твою долю.

– А мне это нах*я? – мужик багровеет.

– Артур, назови цену за свои десять процентов, и разойдёмся. Отступные с Альбиной обговорены.

Мужик морщится, и его подбородок снова стреляет в мою сторону:

– Ты такие вопросы прямо при шлюхах обсуждаешь? Недолго твой бизнес продержится!

Бах! Слова бьют наотмашь. Хромов еле заметно кривится, но пропускает удар без ответки. Ну конечно, Анечка, чего ты ждала? Дуэли на палашах? Я ему никто. Зачем породистому скакуну Хромову впрягаться за честь «хромой кобылки»?

– Артур, забываешься, – негромко, но с отчётливым хрустом чужого авторитета произносит Демид.

О, а вот и хук справа! Спасибо, Хромов, беру обидки назад.

– Знакомься, это моя девушка Аня.

– Хуяня! – «интеллигентно» парирует «парусиновый». – Мне похеру вообще! Уважь старика хоть сегодня – ни меня, ни Альбинку не позорь.

– Мы можем уйти прямо сейчас.

– И зачем ты всё рушишь? Ради вот этой?!

– Анны! – уже с угрозой поправляет Демид.

– Тьфу, бл*! Я тебе дочь доверил, а ты?!

– Нельзя доверить то, что тебе не принадлежит, – Хромов включает ледяной тон. – Альбина сама этому союзу не рада. Мне трёх лет хватило понять: мы хотим разного.

– И что же такого разного?!

– Я – семью и детей. Альбина – новую тачку и ежедневно *бать мне мозги.

– Погорячился ты! А если Аля беременна?

– Не от меня.

– Это с хера ли?!

– Потому что с моим «херали» она не спит больше полугода.

Наконец ко мне возвращается способность соображать.

Ну уж нет! Пора ковылять потихонечку на своих сбитых лапках подальше от этого эпицентра высоких отношений, пока мне окончательно не доломали нежную психику.

Разворачиваюсь и уже заношу ногу для побега, как Демид лёгким движением руки перехватывает за талию. Разворот на сто восемьдесят градусов – и я намертво припечатана к его боку.

От его бедра струится такой жар, что он мгновенно рушит остатки здравого смысла, оседая пунцовым румянцем на щеках и подозрительной пульсацией внизу живота.

Дышать решительно нечем.

Мозг окончательно превращается в тёплое желе.

Мужчины тем временем продолжают светскую беседу. Возможно, обсуждают меня, возможно – мировую экономику. В мою черепную коробку не проникает ровным счётом НИ-ЧЕ-ГО.

Там, как одинокие перекати-поле в пустыне, витают лишь три мысли: Альбина. Отступные. Не спят полгода.

Вот на последнем пункте моё внутреннее «я» не выдерживает. Издаю короткий, отчётливый хмык. Ой. Кажется, я привлекла внимание обоих.

Батя «бывшей» смотрит на меня так, будто готов прямо здесь закопать под не-мраморным вазоном. Демид же – с плохо скрываемым, чертовски опасным интересом.

А что вы хотели? Вот такая я загадочная и непредсказуемая!

Выдаю им отрепетированную с Демидом улыбку. Ну как, господа, в вашем высоком кругу такой ответ котируется?

Хромов отводит взгляд и давит смех. Весело тебе, да?

– Мы ещё вернёмся к этому разговору, Демид. Без свидетелей, – угрожающе бросает «парусиновый».

– Обязательно, – хладнокровно парирует Хромов.

– Проходите. Будьте как дома, – цедит мужик в «белом плаще с кровавым подбоем» сквозь зубы.

Делает широкий, щедрый жест рукой, приглашая нас проследовать вглубь праздника. Двигаемся вперёд.

Пройдя всего пару шагов, я резко нажимаю на внутренние тормоза и замираю.

Ну конечно. Как чуяла!

Мой инстинкт самосохранения сработал на долю секунды раньше, чем мозг успел всё осознать. Сначала я затылком ощутила тот самый тяжёлый взгляд, от которого мне всегда хотелось оперативно прикинуться ветошью. Затем мои глаза выцепили его фигуру в толпе. Тело моментально выдало паническую команду «Беги, Аня, беги!», и я уже технично развернулась, чтобы исполнить эту прекрасную спасительную программу… Но у Хромова на меня, похоже, установлен особый датчик движения.

Стоило мне шелохнуться в обратном направлении, как он снова железной хваткой разворачивает меня к себе и намертво вжимает в свой монументальный бок.

– Стоять, – негромко командует мой личный конвоир. – Чего тебя трясёт? Замёрзла, что ли?

– Нет, – выдавливаю я.

Хромов безошибочно прослеживает траекторию моего панического взгляда и натыкается на наглый вызов в глазах Вадима Трайковского.

– Трайковский? Неужели твой бывший?

– Да, – наконец беру я себя в руки.

– И как «рыжик» умудрился связаться с таким ублюдочным гриболюбом?

– Была юной, глупой.

– А сейчас поумнела?

– Давно!

– Отстал?

– Нет.

– Решим, – отрезает Хромов.

– Не много ли на себя берёте?

– Не больше, чем могу унести.

– И зачем вам это?

– Не знаю, – он едва заметно усмехается. – Считай, что у меня сегодня день благотворительности.

– А если мне не нужна помощь?

– Значит, я причиню тебе добро насильно.

Аня, надо быть скромнее в желаниях, да? Это то самое «добро», которое вернулось бумерангом? Хоть бы голову этим снарядом не снесло!

Глава 2. Дегустация

Аня

Вечер чудненький!

Меня и правда оставили в покое. Трайковский зыркал исподтишка, но близко к Демиду и ко мне подходить не рисковал.

Ага! Съел?

Альбину вижу издалека. Искусно созданный мастером объект.

Сама она к «бывшему» не суётся, зато прислала в мою сторону высокоточную боеголовку в виде официанта. Тот, «будто бы оступившись», изящно опрокинул на меня поднос с тремя бокалами красного вина.

Высокое искусство мести, не иначе.

Вот паскуда!

Началась суматоха.

Первым подскочил Хромов. Попытался ликвидировать катастрофу салфетками, но тщетно. Вино уже впиталось в ткань и стекало по моим ногам, будто кровь в дешёвом хорроре.

Зрелище то ещё.

Когда Демид принялся самозабвенно обтирать салфеткой мои бёдра и икры, меня аж током ударило. Не прикасайся к ступням! Но он снимает мне туфли... Твою мать! Разглядывает покрасневшие пятки.

С испугу (или еще от чего) перехватываю его кисть – и, видимо, не рассчитав силушку, оставляю на нём смачные отметины от ногтей.

От неожиданности он аж ругнулся.

– Блядь. Не суети, Аня. Дай!

Капец!

Сижу, а напротив – сам Хромов, припав на одно колено, скользит по моим ногам салфетками и бросает такие взгляды, будто мы тут уединились. Медленно выдыхаю…

– Ну точно кошка, – хмыкает он, рассматривая расцарапанные мною руки.

– Прости.

– Да брось. Скажем всем, что это отметины страсти, – подмигивает этот шутник.

– Кончил? – Блин. Как же двусмысленно…

– С тобой тут кончишь, – давит он смех. – Береги ноги свои. Красивые. – Прокашливается. Встаёт. – Минуту мне дай, и поедем.

Отходит.

Спешно натягиваю туфли, замечая мерзкий взгляд Травковского на моих ногах. Аж судорогой сводит так, что пальцы подгибаются. Мерзко.

Фу, Травковский, фу!

Остаюсь сидеть как дура, пропахшая вином и парфюмом Хромова. По коже всё ещё бегут мурашки от его касаний и слов. Щёки горят, подпаливая уши и шею. Мучение какое-то.

Па-ма-ги-те!

Несмотря на убранные следы мести, моя воинственная натура требует настоящей крови! Жаль, Альбинка затерялась в толпе, а то в моей голове уже созрело несколько детальных сценариев.

Впрочем, ладно. Приходится переключиться на куда более приземлённую проблему.

Внутри меня начинается поединок здравого смысла с паникой: «Трайковский завтра же объявится, и придётся отмахиваться. Хромов-то помаячит один вечер благородным рыцарем, а дальше мне одной расхлебывать выпады Вадима. И зная этого злопамятного гада… сегодняшнее шоу он точно припомнит».

Наконец-то Хромов подходит и, по-хозяйски взяв за руку, просит подняться. Мы с кем-то дежурно прощаемся. Я натягиваю свою фирменную «милую» улыбку, и, только выйдя за ворота этого проклятого поместья, наконец-то выдыхаю.

Кажется, у Хромова плечи тоже слегка расслабляются.

– Куда тебя отвезти?

– Домой.

Называю адрес.

Едем молча. Тишина в салоне стоит густая, осязаемая и какая-то болезненная.

Первым молчание нарушает Хромов:

– Как ты познакомилась с Трайковским?

– Эм… В универе.

– Тебе сколько лет? – бросает на меня недоумевающий взгляд Демид.

– Он был на пятом курсе, я на первом. Сейчас мне двадцать три. – Не могу не реагировать на запах своего платья и кожи, подношу руку к носу. – Блин, пахну как винзавод «Кубань-Вино».

Хромов едва заметно давит улыбку.

– Думаю, амбре у тебя всё же подороже.

– Ну, вам виднее. Вы-то у нас знатный сомелье и парфюмер!

– Было дело.

– Теперь в завязке? Отальбинили себе всю тягу к дегустациям?

Хромов в голос ржет:

– Вот откуда ты такая дерзкая, а? Ну точно кошка дикая.

Молчу, оставляя эту реплику без ответа. Не могу не принюхиваться. Мои метафоры с волонтёрством и алкогольной зависимостью сейчас заиграли новыми красками. Улыбаюсь.

Потом вспоминаю об Ириске и нашей ОПГ:

– Фу. Домашние точно не поймут.

– А домашние – это кто?

– Да есть у меня две красавицы и один голубоглазый.

– О как! А поверх этого ещё и Трайковский? Активная социальная жизнь у тебя, Аннушка. Разлила масло и давай всем головы с плеч? Кому по любви, кому от ненависти…

– Не… Я просто помогаю страждущим.

Подъезжаем к моей избушке-развалюшке. Дыхание перехватывает на полуслове. У забора припаркованы две тачки. Сокол и Сеня здесь? Что-то случилось? С Ириской?!

– Блин, Ириска, детка… А я ещё и шоколад для неё забыла.

Бормочу я под нос, совсем забыв про спутника. В спешке отстёгиваю ремень и чуть ли не на ходу пытаюсь выбраться из машины.

Хромов реагирует мгновенно.

– Стой, куда! – дёргает он меня обратно в салон. – Отчаянная! Куда? Едем же ещё! Это тачки твоих «красавиц» и «голубоглазого»? У тебя там что, элитный притон? – он подозрительно обводит взглядом дорогие автомобили, никак не вяжущиеся с антуражем.

– Не. Это свои.

– Чего-то доху* у тебя, девушка, «своих» на твои-то двадцать три.

– Это вообще не то, что лезет в ваш извращённый мозг, господин Хромов. Мне пора. Решите там вопрос с помещением, как обещали.

– Сделаю. Тебя, может, проводить? Что-то мне неспокойно.

– Не дрейфь, начальник, здесь меня точно никто не обидит. Это только в вашем мире прилетает откуда не просили. А здесь – братишки и свои ребята.

– Даже тот «свой»?

Он тычет пальцем в вышедшего на крыльцо второй половины дома соседа. Колян максимально помятый, в растянутых трико, майке-алкоголичке и с дымящейся папиросой в зубах – прекрасен, как и всегда!

– О! Это гроза человечества и мой сосед, Николай Неповторимый. Он как раз из категории «чужих». Но конкретно на него у меня есть противодействующая сила.

Хромов лишь качает головой, а глаза хитрющие:

– Читает Булгакова, различает сорта кубанского полусладкого, сильна в риторике, знает законы физики и крутит местным криминалитетом… Кто вы, чёрт возьми, Анна?

– Хороший человек. Бывайте! Надеюсь, и вы в глубине души хороший человек, Демид.

– Хотелось бы верить.

Выскакиваю из машины и, махнув на прощание рукой, не оборачиваясь лечу к дому.

На часах половина одиннадцатого вечера. Ныряю в сумку. Конечно. Телефон разрядился. Краснеть моей сраке!

На кухне в позе тотальной скорби сидит Стася, опустив голову на руки прямо перед безмолвным телефоном. Семён и Сокол мрачными статуями расположились поодаль, методично пуская дым в открытое окно.

Подруга отмирает первой.

Скользит по мне оценивающим взглядом, принюхивается и выдыхая объявляет:

– Парни, отбой тревоги. Тут всего лишь пьяненькая растеряшка вернулась.

Сеня недовольно бурчит, доставая мобильник:

– Аня, мы вообще-то по тебе ориентировку ментам скинули. И даже успели вычислить, где сейчас шкерится Трайковский.

– Аня, телефон! – сдерживая ярость, цедит Олег Соколов. Тычет пальцем в сторону Стаси: – Она тут чуть не поседела от страха, ну и мы за компанию.

Сокол ещё раз критически осматривает мой пострадавший наряд.

– Проблемы? Стася рассказала, что у вас там какой-то затык с помещением для Центра. Давай я решу вопрос, а? Вам же там всего ничего надо. Просто выкуплю другое место, и пользуйтесь на здоровье.

– Нет, Олег. К тому адресу наши подопечные столько лет привязаны. Все дорогу знают. Воспитанникам добираться удобно, центр. Я сама всё решу. Уже... почти решила.

– Каким образом? Методом дегустации вина? – ржёт Сеня. – От тебя как от винзавода, Ань. Что за запах?

– Да это платье! Облили. Кстати, а Ириска где?

– Спит твоя малолетняя рецидивистка.

– Что натворила?

– Сифилису покрасила в радикально синий цвет.

– Надеюсь, хоть акварелью?

– Если бы! Водоэмульсионкой для стен. Кысь-Жрысь мы кое-как отмыли, задобрили курятиной. Иринка требовала шоколада, но обессиленная тоже отрубилась. А что с помещением-то?

– Хромов обещал всё уладить.

Сокол отмирает.

– Так ты с Хромовым наклюкалась?

– Я вообще не пила. Но да, он выкупил наше помещение. Сказал, что утрясёт этот вопрос. Он просто не знал, что там волонтёрский центр.

– Ну, ему можно верить. Хоть он и не из нашего круга, но я наслышан. Не гнилой чел.

Слышим, как к воротам подъезжает машина.

– Кого там ещё принесло на ночь глядя? Неужели Трайковский? – Семён мгновенно подтягивается и хмурится, готовый встречать врага.

И не мудрено. Два года назад эта банда во главе со Стасей выхаживала меня. Бывший благоверный тогда устроил мне сеанс «неземной любви» с элементами рукоприкладства. Ревнивый придурок. Избил знатно. Мне даже пришлось трёхлетнюю Ириску на месяц сослать к бабушке на перевоспитание к гусям, лишь бы ребёнок не видел сестру в таком хэллоуинском образе.

Вроде бы после этого наши дорожки с Трайковским разошлись, но в последнее время его опять потянуло на романтику. Снова замаячил на горизонте: строчит сообщения, обрывает телефон, даже веники пару раз присылал. Естественно, всё в топку и мусорный бак. Скотина настойчивая!

Открывать идёт Сокол. На пороге обнаруживается слегка растерянный курьер. У него просто неприличных размеров букет белоснежных пионов и плетёная корзина, доверху забитая бельгийским шоколадом.

Ну, это точно не упырь Трайковский!

– Э-э-э… Мне велено передать это Анне. И лично в руки, – лепечет курьер, косясь на суровые лица приосанившихся парней.

Я ошарашенно подхожу и принимаю это цветочно-кондитерское безумие. Из недр пионов выпадает лаконичная чёрная карточка: *«Спасибо за помощь. С меня причитается. Д. Х.».*

– Ого, – Стася оценивающе свистит, заглядывая мне через плечо. – Оперативно сработано.

Сёма берёт одну плитку, крутит в руках и ухмыляется:

– Ну точно, Хромов. Умеет произвести впечатление, буржуй.

Я смотрю на записку, и к щекам снова подбирается тот самый дурацкий огонь.

Вот бы и вопрос с помещением был так же просто решён, как шоколад для Ириски.

Но чутьё подсказывает: не-а…

Спасибо за подписку на автора, лайки книге и комментарии!❤#

Ныряем в историю вместе.####

Глава 3. Бумеранг добра

Аня

Ириска с Сифилисой ранним утром наперегонки ели шоколад.

Иринка уничтожала содержимое, а наша Кысь-Жрысь «употребляла» фантики в качестве спортивного инвентаря.

Короче, если в доме есть пятилетний ребёнок с занозой в заднице и припизднутая котейка, то спать утром вы не будете никогда.

На будильнике 6:20.

По мне третий раз проносится Сифилиса, играя с оберткой от шоколадки в футбол.

Пятый раз делает на меня адский запрыг и, как лиса, знатно мышкует, ныряя носом в подушки. Потом, забрав фантик в зубы, прячет его в очередной складке одеяла и закапывает задними лапами. Может, она в прошлой жизни была археологом или кладоискателем? Табун из четырёх лап вновь несётся по мне и пробегает прямо по голове, поэтому – пора вставать!

Ади скребётся во входную дверь и протяжно скулит, прося вынести ему хоть что-нибудь пожрать. Я прям слышу его вопли: «Хо-зя-йка, дай е-ды!», поскольку именно такой ритм он отбивает своей мохнатой головой в нашу хлипкую дверь.

Сифилиса после получасового фитнеса тоже покрикивает у своей миски.

Одна Ириска, объевшаяся шоколада, тихо постанывает, потому что заболел живот. Вот же ж…

Экстренные меры принимаются мгновенно: смекта и большая кружка воды – мелкой, Кыси-Жрыси – паёк из влажного корма, а нашему персональному Аду (он же Ади) – миска сухого корма и воды, а ещё обнимашки и почесушки. Ведь его девиз: «Когда я ем – я глух и нем». И это единственное время, когда пёс может позволить причинить ему добро. Например, немного его расчесать. Надо вообще везти его на стрижку, а то оброс и стал похож на медведя.

Пока привожу в порядок себя и варю кофе, моя местная фауна уже сыта и бодра.

Ириска уже вовсю носится по дому, косясь на недоеденную корзину шоколада.

Я только пальцем грожу:

– Не вздумай!

– Она не слипнется! Я проверяла! – парирует эта мелкая, как будто чуя мою отговорку.

«Переобуваюсь» на ходу.

– Заболит живот – больше помочь не смогу, а значит, поедем в больницу.

– Не хочу в больницу, – насупливается эта маленькая сладкоежка.

– Тогда давай договоримся. В день ешь по одной шоколадке. Тогда в больницу не поедешь.

– Хорошо. А садиковских угостить можно?

– А ты точно сама шоколад есть не будешь?

– Эх, ладно. По одной так по одной.

Вот ведь козявочка!

Собираемся в детский сад под аккомпанемент Ирискиных вздохов о тяжёлой доле ребёнка, ограниченного одной шоколадкой в день.

График на сегодня плотный: сначала бегу на индивидуальные занятия, а с двух часов дня окопаюсь в Центре. Там сегодня праздник – обещали привезти гуманитарную помощь из дружественной аптеки. У них залежалась партия подгузников какого-то непопулярного бренда, а для нашего Центра любые бренды – это люкс. Мы всему применение найдём. У нас полно подопечных ребят с ДЦП и аутизмом, для которых тема туалетных навыков остра как никогда, а для их родителей это огромная статья расходов.

Веду мой персональный маленький Апокалипсис в садик.

Сменки беру столько, будто мы уезжаем в эвакуацию на год. Ириска обладает суперспособностью находить грязь и рвать одежду даже в стерильной комнате.

Сдаю её с рук на руки Валентине Ивановне. Воспитательница от Бога! Она Иринку обожает, несмотря на все её партизанские вылазки.

Валентина Ивановна вообще считает, что здоровый ребёнок просто физически не может тихо сидеть в углу. Она всегда говорит: «Аня, задача взрослого – сделать детские чудачества сносно-опасными, чтоб без вызова МЧС и кровавых соплей. Всё остальное – ради бога!».

Идеальный педагог для нашей занозы.

От садика до моего следующего пункта назначения минут пять бодрым бегом, поэтому я и взяла Костика.

Мальчик очень сложный, там целый букет диагнозов. Ему семь лет, и мы упорно бьёмся над запуском речи. Сдвиги пока измеряются в миллиметрах, но парню нереально повезло с родителями: Света с мужем не ждут отмашки волшебной палочки, а просто пашут вместе со мной.

Забегаю к ним. Мы занимаемся уже третий месяц, и Костя наконец-то начал скользить по мне видящим, осознанным взглядом. Раньше он играл исключительно сам с собой, а теперь включается в процесс, реагирует на меня и даже может взять что-то из рук. Мы учимся общаться мычанием и указательным жестом, а на прошлом занятии, когда тренировали речевое дыхание и надували воздушные шары, Костя вдруг выдал чёткую просьбу: «Да-а-а!» (дай!). Мы с его мамой Светой тогда чуть хором не разрыдались прямо над этими шарами. Нащупали-таки главный интерес!

Сегодня Костя бодрый и включён в работу даже лучше, чем обычно.

Глаза горят, ведь я притащила целую пачку ядовито-ярких шаров. Снова и снова оречевляем с ним просьбу. Результат стабильный, и это чертовски круто.

Для ребёнка, который молчал шесть лет, его импровизированное «дай!» – это как для обычного человека пешком до Луны дойти.

Прощаемся. Костя уже вовсю умеет давать «пять», так что мы хлопаем по ладоням.

– Костя, ты герой! – хвалю я его, и на душе становится чуточку легче.

Бегу дальше.

Занятие с Сашкой. Они живут через два квартала, это минут пятнадцать пешком. С этим пацаном чуть проще: он говорящий, хоть у него и скудная речь – в основном существительные. Но мы уже строим простые предложения, закрепляем.

Сашке пять лет. У него аутизм, как и у Кости, но форма совсем другая.

Вообще я ни разу не встречала одинаковых детей с особенностями. У них может стоять один и тот же диагноз, но поведенчески они будут отличаться как небо и земля.

Сашка смотрит в глаза, хоть и недолго. Здоровается: «Привет!». Мы с ним осваиваем глаголы. Сегодня у нас карточки и его ответы на вопрос «Кто что делает?».

Сашка бодрый: «Кот играет, ба-у-шка стряпает, мальчик сидит»...

Потом закрепляем в игре на предметах. Моторно отрабатываем глаголы через его собственные действия.

Даю «пятюню». Хвалю. Прощаюсь. Бегу к Лизе…

До часа дня я успеваю обойти пять воспитанников.

Маршрут построен так, что на передвижение от точки до точки я трачу не более пятнадцати минут.

Полчаса или сорок минут на занятие. Всё по готовности и состоянию ребёнка.

Таких рабочих маршрутов у меня два.

Всего десять ребят, которым я стараюсь помочь как АВА-терапист и логопед-дефектолог на платной основе. Это моя работа.

Для меня этот доход мизерный, но он жизненно нужен – на мне Ириска, а волонтёрством сыт не будешь.

Многие из моих ребят, кто может передвигаться или кого могут возить родители, посещают наш Центр в другие дни. Ходят ко мне же на занятия, но уже совершенно безвозмездно. Также у нас с детками работает Стася, она тоже логопед, и Ольга Викторовна, наш реабилитолог. Есть ещё пара ребят, которые на добровольных началах совмещают учёбу в педвузе и работу с особиками. Им – практика, нам – помощь и поддержка!

Несусь в Центр на всех парах.

Эх, если бы мне кто-то утром сказал, что хромовский бумеранг «бобра» прилетит обратно так быстро и бахнет с размаху аккурат по мне, я бы хоть каску надела. Но встречаем без защиты…

Глава 4. Приадье

Аня

Из аптеки уже звонили – ждут, когда я приму их дары. Несусь!

Оказалось, там не только подгузники для детей, но и для взрослых. Связи есть, так что часть перенаправим коллегам в другие организации.

Ещё в коробках от нашего спонсора обнаружились мини-аптечки и перевязочные средства, которые вообще всегда и всем необходимы: бинты, вата, пластыри. Срок годности ещё нормальный, но скоро подойдёт к концу, и торговать этим аптеке будет нельзя, а людям ещё отлично послужит.

Срок годности на бинт – бред ведь! У моей бабули в деревне есть чемодан с лекарствами, купленными во время дефицита конца восьмидесятых. Так там и марля, и бинты, и вата – до сих пор всё отлично используется!

В Центре три совсем небольших помещения для занятий и импровизированный склад, он же по совместительству мой кабинет. Если поставить перегородку и огородить окно и хозяйственную часть, то выходит микро-кабинет для занятий мне как логопеду с детками, которые уже могут заниматься за столом.

Водитель-курьер оказался мировой душой – помог перетаскать всё в мой кабинет. Обычно мы с девчонками корячимся сами, но сегодня все были заняты с детьми. Быстро сложили коробки с подгузниками, я искренне поблагодарила парня, и мы попрощались.

Вечерние занятия пришлось отменить: нужно было срочно разобрать аптечный склад и допаковать продуктовые наборы для наших подшефных семей.

У входной группы начинается какой-то шум. Что за визгливая баба? У нас вообще-то занятия идут, а особые дети по-разному реагируют на крики.

Вылетаю в коридор.

Ох ты ж блин. Альбина!

Жаль, у меня сейчас под рукой нет подноса с бокалами красного вина для ответного броска.

С ней припёрся помощник Хромова – тот самый, который вчера рекомендовал мне сходить на поклон к «его святейшеству». Тоже, видать, гнида редкостная. Иван Сотников.

– Анна, – начинает этот обсос, – помещение находится в собственности Альбины Артуровны, и у вас есть сутки, чтобы собрать вещи и освободить здание.

Альбинка сияет как начищенный пятак. Хотя какой пятак – копейка деревянная. В её руках бутылка шампанского, которую она смачно трясёт и с воплями, заходя в мой кабинет, выдаёт:

– Процветания моему салону!

Пробка с хлопком вылетает, и алкоголь фонтаном бьёт во все стороны. Брызги летят на коробки, отсортированные в углу вещи и сложенные на столе продуктовые наборы для нуждающихся.

Вот же ж сколопендра!

На чистых эмоциях подлетаю, выхватываю у неё из рук бутылку и сильным замахом выкидываю в открытое окно.

С улицы тут же доносится звон разбитого стекла и глухие удары обо что-то металлическое. Срабатывает сигнализация. Упс. Похоже, чья-то машина пострадала.

Эта истеричка начинает вопить так, что из кабинетов сбегаются все, кто есть в Центре.

Немая картина.

В дверях застыли Стася и Ольга Викторовна, пара испуганных воспитанников и их родительницы. А посреди кабинета – две дикие кошки, готовые прямо сейчас вцепиться друг другу в волосы.

– Ты су… – не даю Альбинке продолжить при детях.

– Сущность неординарная! Очень вас понимаю!

Маячу глазами нашим, чтобы уводили детей и родителей, а сама вылетаю на улицу оценить масштабы ущерба.

Поднимаясь по лестнице цокольного этажа, буквально врезаюсь в гору мышц. Стреляю глазами вверх, едва сдерживая отборный мат…

– Хромов! Ты как посмел сюда явиться?

– Чего?

Мужик в шоке. Но меня уже несёт.

– Волонтёрский центр никуда не двинется с места!

– Вчера ты шла говорить о помещении, а выглядела так, будто подрабатываешь в эскорте.

– Мы работаем с ментальными расстройствами детей. Переростки, то есть вы, – не наш профиль.

– Кусачая значит. Простишь за вчера?

– За прощением – это в вышестоящие инстанции, у нас только горящий котёл...

– Ваш центр – филиал ада?

– Если жизнь посылает к чёрту, многие люди приходят сюда. Мы минимум «Приадье».

Зря он так быстро нарисовался, его сейчас тоже взрывной волной зацепит!

А что его жалеть? Кто не держит обещания – он. Кто доверчивая дурында – я.

Огибаю его и спешу на улицу. Он идёт за мной следом.

Мои внутренние баталии прерывает его громогласное:

– Ты чего творишь?

– Голубей запускаю!

– Машину не жалко? – он ведёт головой в сторону припаркованного у газона новенького Майбаха красного цвета.

Альбинкины отступные, что ли? Но в порыве злости мне похрен вообще.

– Людей надо жалеть! – рявкаю я.

– А с этим что будешь делать?

– Вот мой телефон, – пишу маркером, который так и остался у меня в руке после сортировки коробок, прямо на лобовом стекле номер. – Напишите мне. Продам почку – оплачу ремонт!

– Дерзкая?!

– Не без этого!

– Что случилось-то, объясни, Ань.

– Не «анькайте»! Для вас я Анна Сергеевна! И за это помещение я буду биться, – не могу сдержаться, слёзы сами прыскают из глаз. Смахиваю их. – Какая же я доверчивая дура!

Демид хмурится, пряча руки в брюки. Хер прочитаешь, что у него на уме.

Альбина орёт, высунувшись из окна, из которого недавно вылетел мой «снаряд»:

– Демид! Я праздную покупку помещения с шампанским! Мне здесь всё полить хочется, для этого места шампанское – как святая вода! А эта дура выхватила бутылку и в окно…

Смотрю на эту идиотину, высунувшуюся в разбитое окно.

Вот же ж дура! Ведь пораниться может. А и пусть!

– Вы облили продукты, одежду, памперсы и медикаменты, которые мы готовим к отправке нуждающимся! – кричу ей в ответ.

Та хватает первую попавшуюся под руку пачку, читает название и брезгливо парирует:

– Кому вообще нужны подгузники на шестьдесят килограмм?

– Будешь дальше нарываться – тебе! – выдаю я.

Хромов обречённо прикрывает глаза рукой. Чё прикрыл? Стыдно за бывшую избранницу? Впитывай!

– Зачем?

– Потому что только под себя ходить сможешь после моего хука справа. Бестолочь!

Меня трясёт. Поворачиваюсь к Хромову и, ткнув пальцем в его железобетонную грудь, вещаю, глядя прямо в глаза, в которых решительно ничего не понятно:

– А вы... Вы – обманщик и лжец! Хотя простите, это я доверчивая дура. Развесила уши, поверила, что решите вопрос с помещением, а вы…

– Я решил!

– Вижу. Хозяйка пришла обмывать покупку.

– Держи, – он протягивает мне плотную папку с документами, а сам решительно спускается в Центр.

Стою, дышу, внутри всё бомбит.

Через несколько секунд Хромов выходит на улицу, буквально ведя за шиворот упирающуюся Альбину. Сзади неё семенит Сотников.

– Посмотри документы! – бросает мне Демид на ходу. – Не вышвырни и не порви. Как придёшь в себя – набирай. И… извини. Окно заменят, клининг всё уберёт, сейчас пришлю.

Он заталкивает Альбину в машину.

За ними шмыгает Сотников, на ходу складывая руки в умоляющем жесте. Хитровыструганный подхалим!

Иду обратно в Центр.

Осколки стекла в моём кабинете, раскиданные коробки, залитые липким шампанским вещи…

Накатывает дикая усталость.

Сажусь на стул, слёзы сами катятся по щёкам. В голове роится так много мыслей, что от этого шума кажется, будто там абсолютно пусто.

Через пятнадцать минут и правда приезжает клининговая служба. За час они до блеска выдраивают весь наш Центр. Следом за ними ремонтная бригада вставляет новое стекло и полностью меняет входные замки, вежливо протягивая мне свежие ключи.

Всё до копейки оплачено Демидом Хромовым.

Разбитая машина отбуксирована от нашего крыльца.

Дрожащими пальцами наконец-то открываю документы, которые всё это время на автомате прижимала к груди.

Свежая выписка из ЕГРН. Строчки плывут перед глазами, но я отчётливо вижу: *«Вид права: Собственность. Площадь: 43 кв. м. Правообладатель: Скворцова Анна Сергеевна».*

Глава 5. Косячные аккорды

Аня

Весь день мучает совесть. Список моих грехов за сегодня охреняшечный.

Я умудрилась назвать лжецом человека, который подарил нашему Центру помещение. Разбила лобовое и капот тачки (той самой, что предназначалась его «бывшей» Альбине) и гордо заявила Хромову, что «всё оплачу». Спойлер: у меня ни гроша за душой.

Пока я генерировала хаос и устраивала Армагеддон, Демид Хромов за два часа ликвидировал все последствия: отогнал машину, вызвал клининг, организовал смену замков и вставку стекол. У меня бы на это ушли недели жизни и годовой бюджет.

Внутри бомбит. Понимаю, что надо звонить, каяться и говорить «спасибо», но рука намертво зависла над его номером.

Дела в Центре закончены.

Продукты, вещи, медикаменты благодаря Соколу и Сёме уехали к адресатам. Девчонки из Фонда забрали подгузники для взрослых. Завал разобран.

Офис пуст, и внутри у меня примерно так же.

Почти шесть.

Лечу в детский сад за своей мелкой занозой.

Еще один косячный аккорд дня: Ириска выходит ко мне в чужих джинсах с порванными штанинами. Что ж, разгребать — так сразу авгиевы конюшни. Выдайте мне лопату побольше!

— Привет. Что за приключения? Ранения есть?

Ириска мотает головой.

— А раненые?

Сестренка эпично вздыхает.

— Хорошо, что не убитые. Расскажешь?

— Федька Маринку задирал, назвал толстухой. Ну, я и проявила солида-н-н-ость. Дала ему поджопник. Потом бежала от него и...

— Не убежала?

— Конечно убежала! Я на дерево залезла, фиг бы он меня достал. Но когда на обед загоняли, я слезала и шмякнулась. Вот. Штаны порвала.

— А почему штаны чужие?

— Мы с Милой поменялись. Она в моих лосинах, я в джинсах.

Угу. Мысленно фиксирую статью расходов на новые брюки для Милы.

— Нога точно не болит?

— Не-а.

— Идем, моя маленькая обезьянка.

У дома нас встречает праздничная атмосфера: у соседа гости. Твою ж…

Два таких же колоритных экспоната — один разрисован крестами, другой куполами. Эти люди-раскраски, пьяные в хламину, горланят блатняк и что-то усердно колдуют над мангалом.

— Анька, давай к нам!

— Нет, Николай. Вы там только с огнем аккуратнее.

Был у нас уже эпизод: из-за этого любителя шашлыков сгорел мой палисадник. Теперь он стоит новенький — Колян восстановил всё за свой счет, чем неимоверно гордится. Но я-то знаю, что это была отнюдь не личная инициатива, а результат внушения Семёна и его жезла всевластия (в простонародье — бейсбольной биты).

— Че ломаешься-то? Поедим, выпьем. Ну?

— Спасибо, обойдусь.

Быстро заталкиваю Ириску в дом. Лишь бы Колян не перемахнул через наш чисто символический забор и не пошел ломиться в дверь с «упрашиваниями». Такое уже бывало, поэтому волшебный жезл есть и у меня — дежурит прямо при входе.

С трезвым Коляном еще можно договориться, но когда он подшофе, да еще и в компании филиала Владимирского централа… На душе неспокойно. Но поползновений пока нет. Может, пронесет.

На всякий случай кормлю Ади и Сифилису и выпускаю этот спецназ во двор. Ребята проверенные.

Выглядываю в окно. Точно, шоу маст гоу он!

Кыся-Жрыся профессионально задирает пса, шипит и эпично выгибает спину. И они устраивают представление с гонками и Адским лаем. Всё любя — их «дружба» еще ни разу не заканчивалась катастрофой. Ади снисходительно терпит выходки Сифилисы: она кусает его за хвост, он выдает ей леща лапой по морде, кошка встает на дыбы, и начинается погоня. Эта рецидивистка способна спикировать на него с дерева и секунду проехаться верхом, как на коне…

В цирк бы их! Хотя с таким соседом и хулиганкой-Ириской мы и так живем на арене шапито.

Зато Колян, видя эти гладиаторские бои, точно к нам не сунется.

Он нашего Ади до дрожи боится. По-любому, детская травма.

В общем, тылы прикрыты.

Пам-пам-пам!

Иринка крутит оригами. Я из последних сил пытаюсь отвлечься от мыслей о Хромове.

Ликвидирую последствия вчерашнего погрома, который гордо именовался «художественной мастерской».

Весь угол в комнате мелкой заляпан синей краской.

— Ирка, признавайся, как Сифилиса вообще позволила сотворить с собой такое? — интересуюсь я.

Она же недаром получила прозвище Кысь-Жрысь. Это же почти Ади, только более злобная к врагам и возмутителям спокойствия.

— Эм... Она спала.

— И даже не проснулась?!

— Ну, я её за ухом чесала, а кисточка мягкая была...

Делаю эпичный фейспалм и закатываю глаза. Иришка реагирует мгновенно:

— Глаза не закатывай, а то такой и останешься. Будешь некрасивой — «в замуж» не возьмут.

— А может, мне и не надо замуж?

— Всем надо «в замуж»!

— Это кто тебе такое сказал?

— Бабушка. А еще ВалентинВанна. Нянечка ругалась на Маринкину маму, говорила, что та «блудная» опять с новым кава-ре-ром. А ВалентинВанна ответила, что ей надо срочно «в замуж». Чтобы своих проблем стало выше крыши и на чужие времени не оставалось.

— Ну, тут не поспоришь...

— Вот и тебе надо «в замуж»!

— А если я не хочу?

— Все хотят! И ты хоти!

Устами младенца, ага?

Ухажеров у меня пруд пруди, один краше другого. Абьюзер и тиран Трайковский или любящий прибухнуть сосед Колян — выбирай не хочу!

Мой мысленный кастинг прерывает звонок. На экране — Стася. Говорит, что сейчас заглянет: надо по горячим следам обсудить то ЧП, что я сегодня устроила в Центре.

Подруга приезжает не с пустыми руками — привозит бутылку просекко и клубнику.

— И давно у нас волонтеров так угощают? — хмыкаю я.

— Это подгон от Сокола.

— М-м-м… Подгон или подкат?

— Хрен его знает, — вздыхает Стася. — Я в этих делах деревянный Буратино. Мне дали — я взяла.

— Олег хороший парень, Стась.

— Да ты че, он же братишка! Я на него по-другому и не смотрю.

— А ты посмотри. Вон, сегодня даже Ириска выдала, что всем пора хотеть «в замуж»!

Мы от души хохочем.

Пока Стасей моются ягоды и режется сыр, я успеваю сообразить нам нехитрый ужин на троих: горячее жаркое и свежие овощи. Наконец усаживаемся за стол.

Правда, Иринку не унять — трещит без умолку, перетягивая все внимание на себя. Мы со Стасей уже давно смирились с правилом: любые серьезные разговоры начинаются только тогда, когда ребенок спит.

Ближе к десяти Ириску наконец вырубает. Сосед за забором приглушил свой блатняк, и даже Сифилиса вернулась домой, предварительно постучав мохнатой головой в дверь.

Во дворе и в доме наконец-то наступила блаженная тишина.

— Ну, колись, что сегодня было и чем в итоге закончилось? — спрашивает Стася, делая глоток чая. Винишко среди недели не наш вариант. Завтра на занятия к детям.

— Хромов переписал помещение на мое имя. Я теперь собственник.

Стася только присвистывает.

— И что ты за это должна?

— Без понятия. Машину его «бывшей» я сегодня изрядно покорежила и в сердцах ляпнула, что продам почку, но оплачу ремонт. Так что, возможно, меня скоро пустят на запчасти.

— Хреновенький у тебя юморок, Ань.

— Какое настроение, такой и юмор.

— Ты Хромову звонила?

— Не могу решиться. Весь день бомбит. Чувствую себя нашкодившей малолеткой.

— Звони!

— Десять вечера вообще-то!

— Ты думаешь, Хромов в такое время уже спит? Звони, а то сама до утра не уснешь.

— Угу...

— Раз мы сегодня без просекко, можно я спать пойду? С Ириской лягу.

— Конечно. Мой дом — твой дом.

— А ты — звони.

Она уходит, а я открываю контакты. Действительно, надо закрыть этот вопрос, иначе меня просто разорвет.

Набираю номер. Гудки.

— Да, — голос Хромова звучит сдержанно.

— Демид, добрый вечер. Это Аня. Анна Скворцова.

— Слушаю.

Тишина. Слова подбираются с огромным трудом, но он совершенно не собирается облегчать мне задачу.

— Демид, я хотела сказать вам спасибо. И извиниться за...

— Приезжай.

— Но я…

— Приезжай. Поговорим. Машина у входа.

Глава 6. Предложение руки

Аня

Короткие гудки. Повесил трубку.

Я ослышалась?

Прокручиваю его голос в голове снова и снова. Нет, не выдумываю. Он действительно это сказал.

Выглядываю в окно. У ворот черный внедорожник.

Во что ты вляпалась, Ань?

Прошу Стасю присмотреть за Ириской. Она дает добро.

Оставляю девочек видеть сны, а сама еду каяться.

Надеюсь, «хромированный» не предъявит ничего, чего я не смогу осилить.

Можно взять кредит на тридцать лет и расплатиться за Центр и авто. Шутка. Не дадут. Доход у меня сомнительный. Жилье тоже. Мне Ириску то еле отдали.

Девчонки мирно спят, в ногах Сифилиса охраняет. Во дворе Адя.

Я вернусь через час. Всё будет нормально.

С внешним видом не заморачиваюсь. Мне же поговорить, а не впечатлить.

Джинсы, толстовка, кеды. Две косы. Смотрю в зеркало: *«Девочка, где твои родители?»*

— С салаги меньше спрос! Так ведь?

Если совсем треш — верну бумаги на помещение и приму помощь Сокола. Скворец и Сокол — птицы не одного полета, но птицы, найдем компромисс.

Выхожу на улицу. Темно. Водитель вежливо здоровается, открывает мне дверь какого-то охренительного танка. О таких в уголовных хрониках обычно значится: *«была найдена в черном фургоне»…*

— Анна?

— Да.

— Вас ожидают.

Даже водитель, хоть и старается держать лицо, в его глазах читается: *«Что за ребенка я куда-то повезу? Время-то недетское!»*

Едем.

Мысли скачут.

От бодрого настроя на подвиги до вселенского нытья в стиле лисы из «Жихарки»: *«Ох, несчастная я! И что это за жизнь-то такая! Ой, горе мне!»*

Эх, чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!

Надо собраться и настроиться на серьезный разговор.

Водитель проводит меня в дом Хромова:

— Демид Юрьевич вас ожидает в кабинете, — говорит мужчина так, будто я знаю, где здесь кабинет.

Но мне искать не приходится. Хромов появляется в проеме двери дальней комнаты.

— Аня, проходи.

Иду как под гипнозом.

Овцу на заклание хоть ведут, а я какое животное, что сама иду в качестве жертвенного приношения? На святую я не тяну, точно ёж-хлопотун или какая-то его разновидность.

Кабинет просторный и светлый. Минимум мебели. Лишь стол, офисный стул и два кресла. Стеллаж с книгами.

У… Хромов читает?

Это о чем-то да говорит.

Не может читающий классику быть гнилым человеком. Или может?

Хотя питерский доцент тоже был очень образованным мужчиной и читал не только умные книжки, но и лекции студентам в одном из университетов, а потом носил свою аспирантку по частям… Фу-фу-фу…

Что за мысли!

Меня тоже будут сейчас препарировать?

Надеюсь, лишь фигурально мой мозг или душу. Тело я бы предпочла оставить в неизменной комплектации. Хотя сама же кричала про почку.

Слышь, Хромов, моя тебе не подойдет. Твоя группа крови — ноль, у меня четвертая положительная — несовместимость.

Мне точно пора на сеанс к психотерапевту. Эти внутренние монологи до добра не доведут.

— Аня.

Его низкий, но какой-то обволакивающий голос вырывает меня из размышлений.

— Демид Юрьевич, я хотела…

Он не дает мне сказать.

— Демид. Для тебя — Демид.

— Оу. Хорошо. Демид. Я хотела извиниться за свое поведение сегодня и поблагодарить за столь красивый жест.

— Ты всегда так пылишь? — посмеивается он, оставляя мою благодарность без внимания.

— Я вообще очень спокойный и рассудительный человек. Временами. Я же педагог! Но иногда — да, нападает дерзноблудие, и я пылю. Простите.

— Простите? — усмехается он. — Аня, а что сегодня был за педагогический прием с метанием бутылей на припаркованный автомобиль?

Да он уже откровенно стебётся. Ну ничего. Двое могут играть в эту игру.

— Практико-ориентированный метод в попытке призвать к совести бессовестную девицу.

— Сработало?

— Ага, рикошетом. Но спасибо, что подхватили, и этот бумеранг мне не снёс голову. Не снёс же?

— Не снёс… — он немного задумывается, потирая подбородок. Жестом просит меня присесть на одно из кресел, а сам садится на второе напротив. На равных позиция — это хорошо, да? — Аня, я хочу кое-что взамен за мою услугу.

Так и знала. Не бывает бесплатного сыра. Сейчас откроется мышеловка?

Может, удастся подвеселить? Лишь бы не пришлось отпечалить!

— Про почку я пошутила. Донор из меня хреновый.

— Натурпродуктом в виде органов мочевыделительной системы не беру. Уверен, ты останешься в полной комплектации. Почки тебе ещё пригодятся. Такую кровь, напитанную ядом и сарказмом, фильтровать и фильтровать!

— Ну, это часть моей сущности, и почки с этим не справляются всё равно.

— Через мозг, Аня, надо. Может, тебе к психотерапевту обратиться? Что ж ты такая токсичная?

— Жизнь токсичная, а я нормальная. Кусаться, когда тебе прижимают хвост и давят со всех сторон, — это обеспечить свою жизнеспособность и безопасность.

— Вот я и предлагаю тебе безопасную гавань, где на тебя никто давить не будет.

— Это жизнь. Вы от неё меня защитите?

— А ты сама не пробовала не лезть на рожон?

— Не моё кредо!

— Не всем можно помочь, Ань.

— Не всем, но понемногу каждому. Знаете, есть у меня один ученик, у него аутизм, парню семнадцать лет. Он вообще мозгами не в этой вселенной, и тело будто его не слушается. Все педагоги забили, а я — нет. Хожу к нему два раза в неделю. За три года, что мы занимаемся, он не начал говорить, мы не натренировали взгляд, не скорректировали поведение в бытовом плане. Он не может сам одеться, раздеться, без напоминания сходить в туалет, держать ложку и есть. Блин, мы с ним три года запускали альтернативную коммуникацию — ни в какую. Но когда у него заболел зуб, он мне это показал на ПЕКСах, хотя вообще не использовал их, всегда игнорировал. Показал! Значит все не зря!

— То есть ты будешь продолжать биться головой о стену, пока лоб не расшибешь?

— Стена покосится, даст трещину, обвалится до прохода или рухнет.

— Идеалистка! Зачем так на максималке?

— Кто-то должен пробовать и что-то делать. Я выбираю делать.

— Какая ты упёртая!

— Какая есть.

— Я понял.

Хромов замолкает. Думает.

Решаюсь вернуть разговор в прежнее деловое русло.

— Вы хотели что-то взамен за сегодняшние деяния и дары.

Он усмехается, но как-то странно.

— Я уже переживаю, как такой воительнице и правильной барышне такое предлагать.

— Смелее! Выслушать — это не значит дать согласие.

— Ань, мы можем помочь друг другу.

— Опять? Что-то от этого нехорошестью веет. Вы же знаете, что из меня хреновый помогатор, когда речь идёт о вас — я больше причиняю добро детям.

— Уверен, что ты скромничаешь. В прошлый раз всё получилось.

— Что вы хотите?

— Станешь моей фиктивной женой на год?

Глава 7. Сделка с «дьяволом»

Аня

Хромов зовёт меня замуж. Нет, стоп. Перемотайте назад. Фиктивной женой – это вообще как?

– Чё? – вылетает у меня самый «интеллигентный» аргумент.

– О! Прекрасный словарный запас! Это явно твоя любимая форма вопроса.

– Не думаю, что ваши корни сплошь аристократические, раз вы так легко понимаете мой «крестьянский» диалект.

– Аня, в наши псевдоотношения странным образом поверили все. А мне сейчас жизненно необходимо изображать примерного семьянина.

– А я здесь при чём?

– Ты на удивление органична в этой роли.

– Не думаю. Если этот аттракцион невиданной щедрости – странненькая «оплата» за помещение, то я верну его вам. Без бонусов в виде обручального кольца. С остальным разберёмся.

Выуживаю из сумки документы на квадратные метры Центра и решительно двигаю их по столу в сторону Хромова. Ликвидирую, так сказать, состав преступления.

– Мне не нужно это помещение, и деньги за ущерб авто тоже, а тебе – нужны, – Хромов даже бровью не ведёт.

Он лениво скользит папкой по столу обратно ко мне. Как шайбой в аэрохоккее.

– Ну не такой же ценой!

На эмоциях мой голос срывается почти на фальцет.

Хромов остаётся невозмутимым, и это бесит. Как же хочется эмоционально раскачать этого аристократического сухаря! Швырнуть в него чем-нибудь, что ли? Скольжу взглядом по кабинету. Нет-нет. Подошла бы та увесистая книга, но лежит слишком далеко.

Просто отправляю доки вновь к его краю стола. Счёт один-один.

– Меня устроит лишь эта «цена», Аня.

Он берёт папку с правом собственности и вкладывает её мне прямо в ладони. Лично. Из рук в руки.

Так и замираю – дура дурой – от этого жеста и от его слишком тёплых, слишком больших ладоней, которые мимолётом задевают моё запястье. Кожу обжигает.

Смотрю ему в глаза. Пытаюсь нащупать там хоть каплю логики или здравого смысла. Он разве не понимает, что в моём мире выйти замуж фиктивно – это абсолютное, стопроцентное «табу»?

Хотя о чём я. Нихрена этот циничный бизнесмен не понимает.

– Я не готова платить такую цену.

– В том и суть. Ты очень органична была в роли моей девушки, потому что в реальности не хочешь ни роли, ни подмостков.

– Странная у вас форма причинять добро. Прямо измором берёте.

– Я не верю в благотворительность, лишь во взаимовыгодное сотрудничество.

Решаю ему подыграть.

Интересно узнать ход его мыслей.

Анька, думай, что перед тобой ребёнок с особой мозговой структурой. Сначала познаём, потом начинаем работу!

– И как это будет?

– Мы формально заключим брак. Подпишем брачный договор. Через год расстанемся. Из отношений я выйду с новым статусом и уровнем в бизнесе, ты – со значительной материальной компенсацией.

– Какой-то сомнительный договор купли-продажи. И что там меленьким шрифтом внизу? Сноска про продажу души? И подписать нужно кровью?

– Я не дьявол и я не играю, Аня. Всё будет прозрачно. Жить будешь здесь.

– Логично.

– Для всех ты будешь моей супругой. Других отношений нельзя. Никаких.

– Ещё бы! Я же должна хранить лебединую верность своему фальшивому мужу, – бросаю я ядовито…

– Я к тебе не прикоснусь.

– Почему не прикоснётесь? – вылетает быстрее, чем успевает включиться мозг.

О боже. Звучит как разочарование года и чудовищный намёк, но я вообще не это имела в виду!

Моментально вспыхиваю, превращаясь в алую свёклу.

Мой эпический провал, видимо, очень забавляет Хромова. Этот симпатичный гад даже не пытается скрыть издевательскую улыбку.

– Та форма, – он демонстративно прокашливается, с сарказмом подбирая слова, – «отношений», которая подходит мне, явно не устроит тебя.

– Это каких таких «отношений»?

Аня, молчи! Ты уже заигралась.

– Не хочу вляпаться во что-то серьёзное, а обычная интрижка не устроит уже тебя.

– То есть вы будете, – тут уже демонстративно кашляю я, судорожно фильтруя поток нецензурной брани, рождающийся на языке, – «гулящим мужем», а я – «женой-терпилой»?

Хромов давит смех. Губы улыбаются, но его глаза остаются холодными.

– Я живой мужчина со своими потребностями. И я буду их удовлетворять. Но это никак не коснётся тебя, твоей репутации и нашего фиктивного брака. Для публики мы будем идеальной парой. До поры до времени.

– У нас слишком разные представления об идеале. Мой как-то не включает в себя публичный дом на выезде.

– На год пересмотришь свою идеальную модель. Это не высшая математика, справишься.

– Что-то ещё? Какой-нибудь мелкий семейный рабский труд?

– Ты будешь продолжать заниматься благотворительностью. Это укрепит мой статус. Меценаты нынче в тренде.

– Укрепит? Сомневаюсь! – победно прищуриваюсь я. – Вы ведь совершенно ничего не знаете обо мне и моей работе. А вдруг моя благотворительность не упрочит ваши позиции, а опустит их на дно?

– В твоей жизни нет криминала, других отношений, детей, а с остальным я разберусь.

Детей? Серьёзно, Хромов? Да я многодетная «мать», три к одному! Но в твоём случае – сюрприз будет, да?!

– Занимайся своим Центром, – продолжает он, не подозревая о моём внутреннем монологе. – Будь красивой молодой женой при состоятельном муже – и всё. На этом твоя миссия будет окончена.

– Даже если я вдруг сойду с ума и соглашусь… Вы же сами выставите меня за дверь на следующий день. С моим «богатым» приданым, – нервно посмеиваюсь я.

Хромов мгновенно парирует:

– Если и выставлю, то строго по графику – через год.

– Нет!

Он тихо смеётся. Искренне так, гад.

– Да, Аня. Ровно через год ты будешь абсолютно свободна от меня.

– Моё «нет» – это не про сроки! «Нет» – это в принципе про фиктивный брак! Я не собираюсь дарить вам год своей жизни.

– Что ж, тогда перейдём на чистый бизнес, раз псевдоличное тебя не устраивает, – его голос становится деловым и сухим. – С тебя полная компенсация за урон и ущерб авто. Плюс помещение Центра – вернёшь всё Альбине. Завтра же.

– Да что ж ты душный-то такой! – не выдерживаю я.

Смотрю на него: губы сжаты, он едва сдерживает улыбку, но глаза уже вовсю искрятся смехом. Пользуется моим безвыходным положением, манипулятор хренов.

– Я могу всё вернуть, – зло бросаю я. – Просто придётся продать душу другому дьяволу.

Хромов в мгновение ока становится серьёзным. Смех из глаз испаряется, будто его и не было. Атмосфера в комнате резко тяжелеет.

– Аня, у тебя кто-то есть? – чеканит он.

– Кто-то у всех есть. Выражайтесь яснее, товарищ следователь.

Что съел? И за мной могут стоять сильные мира сего! Сокол же предлагал помощь.

– Мужчина у тебя есть? Тот, кто реально сможет тебя защитить?

– А вы с какой целью интересуетесь? – подтруниваю я, отчаянно пытаясь удержать шпильками ускользающий контроль над ситуацией.

И он всё понимает без слов, что нет у меня никого. Возвращает мне обратку, заговорщически-мягко мурлыча:

– С хорошей целью. У меня все цели хорошие. И я их тебе только что озвучил.

– На хорошую у меня времени нет, – тоже честно пытаюсь «замурлыкать» я. Но где я, а где томное мурлыканье? Внутри тут же всё протестует. Взбрыкиваю, как дикая кошка, и иду на попятную: – Да и вообще не могу я!

– Старайся лучше! Упорства тебе не занимать, – Хромов снисходительно хмыкает. – Смотри на это трезво, как на сделку. Так что? Мужика рядом нет, ага?

– Не-а… – бурчу я, мысленно окончательно сдавая позиции под его напором.

– Отлично!

Я что, сейчас проиграла не только тактическую битву, но и всю войну целиком?

Мой внутренний панический вопрос так и остаётся без ответа.

Карман взрывается бешеной трелью. На экране высвечивается «Стася».

Принимаю вызов. Вместо приветствия из динамика доносится какой-то утробный гул, треск и далёкие крики.

Вскакиваю на ноги, предчувствуя очередной пипец вселенского масштаба. И не ошибаюсь. С того конца провода раздаётся жалобный, дрожащий писк:

– Аня, ты только не волнуйся! Колян устроил пожар, дом почти сгорел...

Глава 8. Недолго мучился

Аня

Земля мгновенно уходит из-под ног. Они превращаются в вату.

Перед глазами воображение подкидывает картины пылающих комнат. Сознание даёт сбой.

Теряю концентрацию и оседаю вниз, но коснуться пола мне не дают.

Хромов подхватывает меня за плечи, легко поднимает и бережно возвращает обратно в кресло.

Сквозь звон в ушах слышу встревоженные всхлипывания Стаси в трубке:

– Мы с Ириской и твоим зверинцем не пострадали! Честно! Сидим вот в скорой напротив того, что осталось от дома... Я сейчас позвоню Олегу, эм… Соколу. Он обязательно что-нибудь придумает, поможет!

Из глаз брызжут едкие слёзы. В голове – абсолютный, звенящий сумбур. Девчонки, животные, пепелище...

Всё, на что меня хватает под пристальным и встревоженным взглядом Хромова, это хрипнуть в динамик:

– Еду.

Сбрасываю вызов.

Он уже нависает надо мной, растеряв всю свою напускную невозмутимость:

– Аня, что случилось?

– Дом сгорел, – выдыхаю я.

– Кто-то пострадал? – в его голосе прорезаются стальные командирские нотки.

– Нет, – рефлекторно плюю через плечо и судорожно стучу по деревянному подлокотнику кресла. Хромов следит за моими суеверными манипуляциями немигающим взглядом. – Простите, мне нужно бежать.

Вскакиваю, но он перехватывает мою руку.

– Поехали.

– Вам-то это зачем? Не нужно, – пытаюсь высвободить запястье.

– Это не тебе решать, Аня, что мне нужно, а что нет, – отрезает он, забирая со стола свои ключи от машины.

У меня нет ни сил, ни желания пререкаться. Единственное, чего я сейчас хочу – это оказаться на месте, обнять Иришку и лично убедиться, что все живы.

Наша словесная дуэль с Хромовым мгновенно теряет всякий смысл.

– Едем!

В машине тишина аж звенит. Зато в голове набатом грохочут мысли. «А если… А если кто-то всё-таки?..»

Стараюсь не поддаваться панике, но ни черта не выходит. Пальцы сцеплены в такой плотный, судорожный замок, что суставы уже отзываются глухой болью.

Хромов убирает одну руку с руля и накрывает мои ладони своей – тёплой, сухой и надёжной. В знак поддержки. Простое человеческое участие, которого я от него вообще не ждала.

– Ань, всё нормально будет.

Его голос звучит спокойно. И эта его уверенность каким-то чудом начинает перетекать в меня, утихомиривая бурю внутри.

– Разожми ладони, – мягко, но настойчиво командует он, бросив на меня быстрый взгляд. – Пальцы уже побелели. Слышишь? Решим всё. Выдыхай.

И я послушно выдыхаю. Расцепляю пальцы. Стараюсь ухватиться за его тепло и хоть чуть-чуть, самую малость, успокоиться.

Нельзя мне раскисать. У Ириски вообще никого нет, кроме меня. Я должна быть сильной. За двоих.

Подъезжаем.

Пожарные уже локализовали возгорание. Точнее, то, что от него осталось.

Половина дома Коляна сгорела почти дотла. Нашу часть задело меньше, но там тоже сплошное чёрное месиво, не подлежащее восстановлению.

Ничего не осталось. Только пепел, гарь и едкий, удушливый дым.

Одна пожарная машина как раз отъезжает. Вторая стоит на обочине, мигая красными и синими огнями. Рядом – полиция и скорая.

В ночной темноте это выглядит по-настоящему жутко.

Выскакиваю из салона, даже не дождавшись, пока Хромов полностью остановится, и несусь к карете скорой помощи. Ещё издалека замечаю девчонок.

Растрёпанные, испуганные, в пижамах и укутанные в колючие армейские пледы. Главное – живые! И, кажется, без видимых повреждений.

У мелкой на коленях смирно лежит Василиса. Будто чувствует всё и пытается своим мурлыканьем успокоить ребёнка. Иринка монотонно поглаживает её по ушкам.

Наш пёс Ади сидит прямо у её свесившихся ног. Периодически преданно кладёт свою огромную морду сестрёнке на стопы. Заботушка лохматая.

– Аня! – восклицает мелкая.

– Ириска! Стася! Как вы?

Меня всё ещё штормит, а они, кажется, уже смирились с участью погорельцев.

Сидят притихшие, заторможенные от шока.

– Мы хорошо, но вот дом… – тихо произносит Стася, кивая на обугленный остов.

– Отстроим! – ляпаю я с такой уверенностью, будто у меня в кармане лежит лишний миллион.

Обнимаю девочек и наконец-то окончательно прихожу в себя.

Стены – это, конечно, важно. Но когда на другой чаше весов жизни близких и родных людей, никакие стены их не перевесят.

Прижимаю малышку плотнее к себе, монотонно глажу по спине, и она начинает умиротворённо дремать.

Бросаю мимолётный взгляд на Хромова. Надо видеть его физиономию: брови взлетели куда-то к линии роста волос, а всё лицо выражает такое замешательство, что мне хочется рассмеяться вопреки трагедии.

Пока я баюкаю Ириску и сама пытаюсь «выдохнуть», он явно пытается переварить увиденное.

Перекидываемся со Стасей парой фраз. Она тоже ещё глубоко в шоке.

– Сейчас приедет Олег, Сокол. Может, он чем-то поможет? – предлагает подруга, шмыгая носом. – Поедем пока ко мне?

– Решим, Стась. Сейчас разберёмся.

Хромов времени зря не теряет: уверенно решает вопросы с пожарными, о чём-то говорит с врачами и в итоге мягко, но настойчиво пересаживает «моих» погорельцев в салон своего внедорожника. Вместе с животными.

После этого мы идём к полиции.

Я на автомате ещё раз объясняю ситуацию, мне суют на подпись какие-то бланки. Хромов коротко кивает, мол, всё чисто, и я подписываю.

Почему-то я абсолютно уверена, что он не даст мне вляпаться в какую-то хрень. Откуда, чёрт возьми, такое слепое доверие к едва знакомому человеку?

Наконец спецслужбы разъезжаются. Мы возвращаемся к машине. Хромов отмирает первым, кивая на заднее сиденье, где устроилась Иринка:

– Твоя дочь?

– А что? – хмыкаю я, включая защитную иронию. – Моя привлекательность на рынке невест резко устремилась к абсолютному нулю?

– Не рановато дочь родила?

– Нет!

– И кто отец?

– Чей?

– Дочери твоей, Аня.

– Понятия не имею. Пока что, – отрезаю я, наслаждаясь его ступором.

– Весело ты живёшь, – Хромов качает головой, явно переоценивая масштабы моей «испорченности».

– Как могу.

Ириска, к счастью, не слышала нашей циничной пикировки. Но, приоткрыв один глаз, сквозь сон жалобно шепчет, в секунду разрушая мою легенду роковой женщины:

– Сестрёнка, а где мы сегодня будем спать?

У Демида брови взлетают вверх. Эх, сдала. Не долго мучался!

Глава 9. Ночной доз(ж)ор

Аня

В этот момент к обочине с визгом тормозов подлетает внедорожник Сокола.

Стася буквально соскакивает и несётся к нему. Олег выпрыгивает из салона ей навстречу, на ходу подхватывая в охапку. Между ними явно что-то происходит, но рассмотреть детали мне не дают.

Хромов резко вырывает меня из раздумий и наблюдения за этой парочкой волонтеров.

– Почему сразу не сказала, что Ира – твоя сестра?

– А ты не спрашивал, – парирую я, устало пожав плечами. – Сразу сделал выводы.

– Слушай, а ты всегда такая… с придурью?

– Скорее да, чем нет.

– Эти тоже твои? – Он кивает в сторону кошки и пса, которые уже вовсю обживают его стерильно чистый салон.

– Ага! Знакомься, это Адольф, или по-простому Адя. А это кысь-жрысь, она же Василиса, она же в минуты особого деструктивного поведения – Сифилиса.

– Аня и её питомцы… Потрясающий набор. Поехали, Ань. И сестру свою забирай. И весь этот бродячий зоопарк.

– Нет, Хромов. Мы все не поместимся.

– Это ещё почему? У меня дом большой.

– Это тот самый, где два этажа занимает исключительно твоё раздутое самомнение? Говорю же: тесно нам там будет.

– В тесноте, да не в обиде, – отрезает он, и в его голосе снова прорезаются собственнические нотки.

– Твои шикарные апартаменты очень пострадают от нашего присутствия. Нет, за себя-то я ручаюсь, а вот за остальную бравую компанию – не очень.

– Переживу как-нибудь. Садись.

Договорить мы не успеваем – к нам подходят Сокол и Стася. Олег выглядит взвинченным и бледным.

– Ань, вы как? Как Иринка?

– Нормально, Олег. Меня просто не было дома в этот момент. Основной удар ответственности на себя приняла Стася. Главное – никто не пострадал физически.

– Поехали ко мне, – тут же предлагает Сокол. – Переночуете, а завтра уже спокойно решите, что делать дальше.

В наш разговор бесцеремонно вклинивается Хромов. Он делает шаг вперёд, перекрывая меня собой, и протягивает Олегу руку для рукопожатия.

– Демид Хромов.

– Олег Соколов, – Олег принимает жест.

Они крепко сжимают ладони и начинают откровенно сверлить друг друга взглядами. Даже в полумраке ночной улицы можно физически ощутить, как между ними шкалят искры напряжения. Настоящая битва альфа-самцов на ровном месте.

Олег первым разрывает зрительный контакт и снова обращается ко мне, демонстративно игнорируя Хромова:

– Ну так что, Ань, едем? С остальным будем разбираться завтра.

Хромов делает ответный выпад.

– Ань, едем. Ребёнок вымотался, спит уже на ходу. Да и живность твоя голодная. Давай!

Я бы с радостью поехала с Соколом, но, чуя его нежные и весьма недвусмысленные намерения относительно Стаси, вообще не хочу работать третьим колесом. Тем более колесом с приваренным сверху тарантасом из испуганного ребёнка и целого зоопарка.

Ладно. Не буду кусать руку дающего. Сегодня побудем у Хромова. А со всем остальным разберусь по проверенному принципу Скарлетт О'Хара: «Я подумаю об этом завтра!»

Стася уезжает с Олегом. Мы загружаемся во внедорожник Демида.

Ади чинно устраивается на заднем сиденье рядышком с Сифилисой. Надо же, эти шерстяные гопники, оказывается, умеют вести себя прилично, когда прижмёт. Ириску я беру на руки и сажусь вместе с ней назад.

До его особняка ехать минут двадцать. Мы проводим их в абсолютной тишине, боясь потревожить чуткий сон малышки.

В доме Хромов предлагает нам расположиться в комнате для гостей – той самой, где я уже однажды бывала.

Пока я бережно укладываю Ириску, Демид полностью берёт нашу хвостатую «гоп-компанию» на себя.

Мысленно шепчу ему огромное человеческое спасибо.

Может, этот циничный сухарь не такой уж и плохой человек?

Конечно, Иринку не мешало бы искупать: волосы и одежда насквозь пропахли едким дымом. Но будить ребёнка сейчас – настоящее преступление. Самое печальное, что её даже не во что переодеть. У нас ведь вообще всё сгорело.

Единственное везение – все важные документы я храню в банковской ячейке, там же лежат несколько маминых памятных вещей. Но больше у нас нет ничего.

Вообще.

На меня только сейчас, в тишине гостевой спальни, лавиной обрушивается осознание катастрофы.

Конечно, стены – это ерунда по сравнению со здоровьем и жизнью.

Никто не пострадал, кроме нерадивого соседа Коляна и его дружков.

Эти гении подшофе вроде как потушили мангал и пошли в дом, но, видимо, завалились спать с непотушенными сигаретами. Из-за одного окурка всё и полыхнуло.

Надышались угарным газом, их увезли на скорой, но Стася шепнула, что жить будут.

– Блин… Вообще же ничего не осталось, – шепчу я темноте, и губы начинают предательски дрожать.

Но самое страшное даже не потеря вещей.

Теперь у нас нет собственной жилплощади.

Любая внезапная проверка со стороны органов опеки – а они до нас ой как сомнительно добры – может закончиться мгновенной и беспощадной катастрофой. Ириску просто отберут.

От этих мыслей во рту становится сухо. Пить хочется нестерпимо, да и желудок сжимается от голода.

Оставив сестру спать, я тихонько выскальзываю из комнаты на поиски хотя бы стакана воды.

Хромов обнаруживается в гостиной. Он сидит в глубоком кресле, но, едва заметив меня, тут же поднимается навстречу.

– Ань, как Ирина?

– Спит без задних ног, – выдыхаю я, прижимаясь спиной к дверному косяку. – А где мои другие домочадцы?

– Кошка и пёс временно заперты в тёплой бане. Их уже покормили, так что они побудут пока там. Завтра решим, что с ними делать.

Демид внимательно сканирует моё бледное лицо и будто читает мысли:

– Ты голодна?

– Да, я так и не успела поужинать. Хотя время уже второй час ночи… Я бы выпила хотя бы чаю. Если можно.

– Чаю? – Хромов оценивающе выгибает бровь. – Ты, я смотрю, только им и питаешься? Оттого и стройность такая экстремальная? Идём на кухню, чайник сам себя не согреет.

В противоположной от гостиной стороне, по правую руку от входа, находится кухня. Она идеально белая. Явно здесь каждый день шуршит клининг и куча работников, иначе откуда такой скрупулёзный порядок? Точно не сам Хромов «вылизывает» здесь каждый угол.

– Голоден как волк, – признаётся Демид, заглядывая в недра огромного холодильника. – Яичницу с колбасой будешь?

– Я не хочу готовить, – честно качаю головой, чувствуя, как усталость наваливается свинцовым грузом.

– Значит, будешь.

Он мягко надавливает мне на плечи, усаживая за кухонный остров на высокий стул, а сам начинает колдовать у плиты.

И эта картина вообще не вяжется с моим представлением о Хромове.

Какое по счёту за сегодня потрясение и открытие об этом человеке?

Демид уверенно достаёт тяжёлую сковороду. Бросает на неё кусок сливочного масла, следом отправляет нарезанную толстыми кружками копчёную колбасу и сверху ловко разбивает яйца. Всё это дело мгновенно шкварчит, наполняя пространство таким умопомрачительным ароматом, что мой желудок начинает петь голодные дифирамбы. Слюны выделяется столько, что я едва успеваю сглатывать.

Хромов лишь игриво поглядывает на меня, довольный произведённым эффектом. Он ломает свежий батон на большие куски руками, со знанием дела поясняя:

– Если нарезать, то будет совсем не то. Так вкуснее.

Смотрю на него и ловлю себя на мысли, что уже безумно жду этот кулинарный шедевр. Хромов тем временем даже не пытается достать тарелки. Вместо этого он ставит перед нами приборы и разливает по кружкам заваренный во френч-прессе ароматный травяной чай. Напоследок достаёт из холодильника финальные штрихи к этому безумию ночного дожора – маслины и сыр.

– А тарелки где? – недоумеваю я.

– Нам не понадобятся.

Он водружает горячую широкую сковороду на деревянную подставку прямо между нами, вручает мне вилку и ломоть хлеба.

– Так в разы вкуснее. Вот твоя половина, вот моя.

Вилкой он делит этот безумно красивый, сочащийся маслом и ароматный от копчёностей ужин строго пополам.

– Макай хлеб прямо в желток и колбасу прихватывай, – инструктирует он, ловко демонстрируя процесс на практике. Окунает мякиш, цепляет поджаристый кружок и отправляет в рот. – М-м-м… Аня, отмирай. Пробуй, это очень вкусно.

А я залипаю. И далеко не только на еду.

Хромов как-то по-особенному, чертовски аппетитно ест. И от этого зрелища я становлюсь ещё более голодной.

Послушно следую его примеру: макаю, цепляю, пробую…

И бог ты мой! Как же это вкусно! Я аж зажмуриваюсь от удовольствия, и из моего горла сами собой вырываются какие-то неопределённые, сытые и до неприличия довольные звуки.

– М-м-м… Как вку-у-шно! – мычу я с набитым ртом.

– А то! Рецепт, проверенный годами холостяцкой жизни.

– Научишь ты меня плохому, Хромов…

Его брови взлетают вверх – они у него всегда куда красноречивее глаз и любых слов, вылетающих изо рта. Взгляд Демида становится до неприличия двусмысленным.

– Блин, да я не про это! – щёки предательски вспыхивают. Горят так, что я чувствую себя Марфушенькой-душенькой из сказки, будто мне их только что щедрой рукой натёрли свёклой. – Я после восьми вечера обычно вообще не ем, – пытаюсь я вернуть беседу в безопасное русло, – а с вами вот… грешу.

– Я понял. Понял, Ань, расслабься, – он тихо смеётся. – Наслаждайся процессом.

После такого сытного и душевного ужина я ловлю себя на крамольной мысли: а может, Хромов действительно не так уж и плох?

Пока я прибираю на столе и загружаю кружки и приборы со сковородой в посудомойку, Демид ненадолго исчезает и возвращается со стопкой чистых вещей в руках. Там обнаруживаются огромная футболка, шорты на завязках и пара новых носков.

– Минимальный спасательный набор, – он протягивает мне одежду. – Думаю, тебе в этом будет комфортно. Футболка, кстати, моя любимая. Так что носи бережно. Остальное решим завтра.

Принимаю мягкую ткань из его рук, ощущая едва уловимый аромат его парфюма.

– Спасибо. За всё.

– Иди отдыхай. И ни о чём не думай, голова опухнет. Всё остальное – завтра. Ты во сколько обычно встаёшь?

Прокручиваю в голове наше стандартное будничное утро с сестрой.

– В шесть тридцать. Иринку нужно собрать и отвезти в садик к восьми. А у меня утренние занятия с учениками с девяти.

– Хорошо. Решим.

Что именно мы «решим» – мне не особо ясно. В моей личной вселенной все проблемы испокон веков решаю я сама, в гордом одиночестве. Никаких местоимений множественного числа в моей жизни не водилось уже много лет. Но раз он говорит «решим» – пусть будет так.

Слишком устала, чтобы спорить.

Желаю ему спокойной ночи, забираю вещи и ухожу в спасительный душ, а после – проваливаюсь в глубокий сон без сновидений.

Глава 10. Веселые утры

Аня

Утро начинается с сумасшедшей тахикардии.

Едва открыв один глаз, я рефлекторно шарю рукой по постели и не застаю рядом Иринки. Сердце мгновенно ухает куда-то в пятки. Пулей вылетаю из комнаты на её поиски, и вдруг слышу со стороны кухни заливистый, счастливый смех этой мелкой егозы.

Облегчённо выдыхаю. Живая. Но с кем она там так самозабвенно хохочет?

Захожу на кухню и замираю на пороге, застав охренительно странную картину. Ириска с ногами сидит прямо на белоснежном кухонном острове.

И боже мой, во что она одета?!

На ребёнке красуется пышное, ярко-розовое платье принцессы с кучей блёсток, а на голове сикось-накось напялена пластиковая корона.

– Аня! – верещит мелкая, едва заметив меня и спрыгивает на пол. – Смотри! Демид мне платье купил!

Перевожу взгляд на Хромова, который с совершенно невозмутимым видом пьёт кофе, пока вокруг него скачет розовая сахарная вата.

– Со вкусом у Демида, я смотрю, не очень… – ворчу я, пытаясь скрыть за иронией подступающий к горлу ком благодарности.

– А вот и нет! Я же сама его выбрала! – авторитетно заявляет сестрёнка. – Он только доставку оплатил.

Так, стоп. Счётчик моего морального и финансового долга перед этим мужчиной только что неумолимо устремился в стратосферу.

Иринка ловко спрыгивает со стола, хватает большую миску с кормом – приготовленную, судя по всему, для Ади – и с победными воплями несётся в сторону выхода во двор.

– Я сама покормлю Ади! Сифилисин паёк я уже унесла! – доносится из коридора.

– Угу. Смотри ноги себе не переломай в этом подоле! – кричу вслед.

– Естес-с-твенно! – горланит мой мелкий вертолёт, хлопая дверью.

Это какой-то чистый, рафинированный сюр. Может, ущипнуть себя, и я наконец проснусь?

Щипаю. Блин, больно. Нет, точно не сплю.

– Доброе утро, Аня, – Хромов игриво подмигивает мне поверх чашки. – У тебя, надо признать, очень милая и весьма предприимчивая сестра.

Сам он, как назло, чертовски хорош.

Ослепительно белая рубашка, идеально отглаженные чёрные брюки, а тонкий аромат геля для душа и дорогого парфюма с нотками древесной коры и бергамота буквально завораживает.

Кое-как отмираю и судорожно пытаюсь переключиться на тему розового облака, уплывшего во двор в поисках гончего пса.

– Что Иринка уже успела натворить? Отвечай сразу и без прикрас.

– О! Сначала выпей кофе или чай, а уже потом мы это обсудим.

Вот что за человек? Вечно говорит загадками, вместо того чтобы выложить всё сразу. Теперь сиди и мучайся, представляя масштабы катастрофы.

– Да не переживай ты так. Ничего криминального, – великодушно сжаливается надо мной Демид. – Она просто на рассвете отыскала ваших питомцев и привела их в дом – мыться и

завтракать. Так что где-то с пяти утра вся эта бравая компания дружно купалась в бассейне на цокольном этаже. Потом проснулся я и минут десять увлечённо вылавливал их оттуда.

– Кабздец… – у меня перехватывает дыхание. – Иринка же плавать не умеет!

– О, ей это и не потребовалось. Она мёртвой хваткой уцепилась за ошейник пса, и тот катал её по воде, как заправский дельфин. Котейка ваша водные процедуры не оценила, поэтому сидела «на бережку» и меланхолично вылизывала мокрую шёрстку. Мелкая хулиганка всё-таки швырнула её в воду с криками:*«Надо мыться после пожара, а то все гарью провоняли!»* В общем, потом они сушились. Мы по-быстрому заказали ей платье и пару вещей для тебя. А сейчас мы будем завтракать. Твой домашний скот, к слову, уже накормлен от пуза.

Оседаю на высокий барный стул, чувствуя себя сломанной марионеткой, которой резко перерезали ниточки.

– Не печалься, Ань. Я Ирине уже всё объяснил, – Хромов ставит передо мной чашку с ароматным кофе. – Сказал, что я твой жених, это мой дом, и вы пока поживёте здесь. А дальше посмотрим.

– Жених?! – подскакиваю я на стуле.

– Ань, у тебя есть другие, более логичные варианты для пятилетнего ребёнка?

– Это… это какое-то психологическое насилие!

– И в чём же оно выражается?

– Я не просила нам помогать!

– А нормального мужика просить не надо, Аня. Он просто берёт и делает, – отрезает Демид, и его голос в секунду теряет утреннюю игривость. – Захочешь уйти – уйдёшь. Насильно запирать в замке тебя никто не станет. Но сначала найди, куда именно ты пойдёшь с ребёнком, у которого из личных вещей осталось только розовое платье с блёстками. Тебя здесь никто силой не держит. Но я настоятельно предлагаю тебе ещё раз хорошенько обдумать моё вчерашнее предложение.

Вот же ж гад. Как профессионально и точечно бьёт по самым уязвимым местам: по больной совести и моим сестринским обязательствам. И ведь крыть мне абсолютно нечем.

Мы завтракаем нежнейшей кашей и воздушными сырниками.

Если это тоже приготовил Хромов, я застрелюсь прямо здесь, на месте. Ведь даже в этом бытовом вопросе он тогда меня всухую обыграл. Я так феерично готовить не умею в принципе. Хотя Иришка и Стася любят мою стряпню.

Демид, видимо, улавливает по моему хмурому лицу ход мыслей и с улыбкой отвечает на немой вопрос:

– Ань, не паникуй. Здесь есть экономка, повар, водители, садовник и пара горничных. Этот завтрак – точно не моих рук дело. Позже я тебя со всеми познакомлю.

– Угу, – бурчу я, мысленно выдыхая.

Время близится к началу восьмого, и нам пора ехать.

Отсюда до Иринкиного садика добираться гораздо дольше, чем из нашего старого дома. Точнее, из того, что от него осталось.

Быстро принимаю душ.

Облачаюсь в обновки – на постели меня ждал комплект удобного белья, джинсы, рубашка и жакет. Всё в городском стиле, безупречно скроенное, очень модное, но я боюсь даже представить, какое дорогое.

Всё моё новое убранство, заботливо отпаренное кем-то из невидимого персонала, сидит как влитое.

Ириска крутится рядом, сияя в своём до нелепости прекрасном платье Феи Драже. А мне даже поблагодарить за этот комфорт некого, кроме Хромова. Все лавры и почести снова достаются ему.

– Аня, ты красотулька! – оценивает мой вид мелкая. – Ты сегодня к Васе пойдёшь?

Вася – один из моих учеников. У него синдром Аспергера. Очень, просто невероятно умный парень семи лет. Математика за девятый класс от зубов отскакивает, в копилке уже три иностранных языка, но при этом – абсолютный ноль в социальных навыках. Он с лёгкостью щёлкает сложные логарифмы, но искренне не понимает, зачем и как правильно натягивать носки. Почему они обязательно должны быть парными? Почему пятка не должна оказываться сверху? Впрочем, со всем этим можно жить. Мы с ним как раз работаем над нормализацией таких базовых навыков. А ещё он категорически не ест сырые овощи. Физически не выносит. Ему кажется, что они мерзкие на ощупь, и от одного прикосновения к ним у него тут же срабатывает рвотный рефлекс. При этом фрукты он уплетает за обе щёки – за уши не оттащишь.

Иринка с ним по-своему дружит. Они регулярно обмениваются разными забавными вещицами через меня. Сестрёнка рисует для него открытки, а он взамен отправляет ей какой-нибудь предмет: удобный для письма карандаш, идеальный кусок мела или красивый лист цветной бумаги. Правда, иногда Вася просит вернуть свои подарки обратно – пережить потерю личной вещи ему очень непросто. Делиться он пока не умеет, но и над этим мы потихоньку работаем.

– Да, к Васе я сегодня пойду, – отвечаю я, застёгивая пуговицы на жакете.

– Я же ему открытку рисовала… Но она сгорела, – Ириска грустно опускает пушистую голову, и её пластиковая корона съезжает набок.

– Ничего, нарисуешь к следующему разу.

– Но я обещала к сегодняшнему! Он же будет сильно нервничать…

Я замираю. Она права. Ждать и принимать нарушившийся порядок или сорванную договорённость для Васи – настоящий ментальный кошмар. Он как-то попробовал описать мне, что именно ощущает, когда озвученные планы рушатся: «*Аня, это как будто ты ногу сильно отсидел. А потом её колет и сводит жуткой судорогой. Вот точно так же, только прямо в груди. И становится легче, только когда орёшь или когда всё-таки сделают так, как договаривались»*.Да уж, ощущения врагу не пожелаешь. Устами ребёнка… Поэтому золотое правило в работе с ним: не обещай, если не железно планируешь выполнять.

Предлагаю Иринке нарисовать что-нибудь прямо в машине, по пути. Тем более Хромов обещал подвезти нас лично.

В его кабинете я вчера краем глаза видела принтер, так что чистая бумага там по-любому найдётся. Да и простой карандаш, думаю, можно одолжить без спроса.

Направляюсь в ту сторону, пока моя сестрёнка, самозабвенно косплеящая принцессу, натягивает такие же вызывающе-розовые туфли.

Вот уж действительно – рука-лицо.

Интересно, через сколько минут после прихода в садик она порвёт эту пышную фатиновую юбку и потеряет свою «хрустальную» туфельку?

Ставлю на первые полчаса.

Дверь в кабинет Демида оказывается приоткрыта. Он стоит спиной ко мне, прижав телефон к уху. Я невольно выхватываю обрывок его резкого разговора:

– Аля, мы всё решили. Помещение уже нашли. То, прежнее, ты не получишь.

Альбина в ответ верещит из динамика что-то невнятное, но очень яростное.

– Машину тебе заменят, – ледяным тоном отрезает Хромов. – А дальше живи счастливо.

На том конце трубки снова начинаются долгие, истеричные изливания. Стоит отдать должное – Хромов чертовски терпелив. До поры до времени.

– Аля, ты её не тронешь. И Центр тоже, – вдруг чеканит он, и от его голоса у меня по спине пробегает мороз. – Поняла меня? Иначе все наши договорённости пойдут по пи*де. И твой отец наконец узнает, что ты шлю*алась с моим помощником. И что он очень скоро станет дедом от этого плебея. Так что держись подальше от меня и от моей семьи.

Ой-вей. Сюжет-то как густеет! Настоящие страсти.

Альбине, судя по всему, срочно нужно подарить когтеточку. Иначе эта кошечка слетит с катушек и правда попытается сточить свои острые коготки об меня.

Хромов сбрасывает звонок и, раздражённо кинув телефон на стол, резко разворачивается на моё предупредительное покашливание.

Злой как чёрт. В глазах полыхает такое бешеное пламя, что становится не по себе. А вот и его реальный, не парадный образ бизнесмена?

– Что тебе, Ань? – буквально выплёвывает он, смерив меня тяжёлым взглядом.

В такой ситуации нормальному человеку хочется просто развернуться, хлопнуть дверью и уйти. Гордо и бесповоротно. Но я, чёрт возьми, не могу себе этого позволить. Иначе опоздает Иринка, опоздаю я к своим ученикам, а бедный Вася без рисунка сестры будет просто несносен на занятии. Переключить его внимание на другую тему станет фактически невозможно: он будет циклично, раз за разом возвращаться к невыполненной договорённости.

Ладно, Хромов. Ради детей я переступлю через себя и твоё паршивое настроение.

– Демид, мы готовы. Я хотела попросить…

– Что? – опять резко бросает он, буквально обрубая меня на полуслове.

Пф! Не на ту напал, Хромов, я не из пугливых.

– Иринке нужен лист чистой бумаги и, если найдутся, то цветные карандаши. Ну или хотя бы обычный, простой.

– Прямо сейчас напало непреодолимое желание порисовать? – Ох уж этот его едкий, сочащийся ядом тон.

Был у меня в вузе препод по философии, так он всех злословящих и матерящихся студентов без лишних слов отправлял из аудитории помыть рот с мылом в уборную. И попробуй потом вернись, не пахнущий земляничным или хвойным! Вот бы его педагогический приём применить прямо сейчас к этому остряку.

Хотя кто из нас двоих чаще подвергался бы такой экзекуции – это ещё большой вопрос. Я ведь тоже язва та ещё. Ладно, живи пока, Хромов!

– Демид, не вынуждайте меня оправдываться перед вами, – сухо чеканю я.

Он на секунду замирает, пристально вглядываясь в моё лицо, а потом шумно выдыхает через нос:

– Извини. Нервы ни к чёрту.

– Амплуа мужчины-истерички вам определённо не идёт.

– А амплуа рогоносца и несостоявшегося отца – как, нормально? – криво усмехается он.

– Вам самому решать, кем вас будут считать и как называть, – отрезаю я.

Хромов удивлённо вскидывает брови.

Ага, не ожидал такой житейской мудрости от пигалицы? А она во мне есть!

Я принципиально не развиваю тему и не даю ему возможности вставить очередное веское слово. Пусть поварится в собственных мыслях.

– Лист бумаги я возьму из принтера, и вот этот карандаш, пожалуй, тоже, – забираю трофеи, разворачиваюсь и иду в коридор.

Пока я обуваю свои старенькие кроссовки, из кабинета выходит Хромов.

На этот раз собранный, спокойный. В одной руке у него плотная папка с чистыми листами, в другой – горсть новеньких гелевых ручек разных цветов. Он протягивает это богатство принцессе Ириске и заговорщически ей подмигивает. Заодно забирает из моих пальцев уже изрядно помятый листок из принтера и огрызок карандаша. Кладёт их на комод и коротко бросает мне, глядя прямо в глаза:

– Извини. Ещё раз.

Глава 11. Разговоры о важном

Аня

В машине мы едем в абсолютном молчании. Я лишь сухо называю адрес детского сада.

Иринка всю дорогу сосредоточенно пыхтит. Рисует открытку, на которой чёрной и красной пастами экспрессивно намалёваны события вчерашнего вечера: наш полыхающий дом, а внизу – выстроившиеся в ряд фигурки Стаси, самой Ириски, кошки Сифилисы и пса Ади. Шедевр, не иначе.

Если бы представители органов опеки случайно увидели это психоделическое художество, нас бы без лишних разговоров снова отправили на экстренную диагностику к клиническому психологу.

Хотя Васе такой рисунок точно зайдёт.

Он органически не переваривает абстрактные вещи и метафорические образы, просто их не понимает. А здесь всё предельно ясно: вот огонь, вот кошка, вот погорельцы. Сюжет прозрачен.

Когда мы наконец подкатываем к садику, я вежливо благодарю Хромова и твёрдо заявляю, чтобы он меня не ждал – дальше я сама.

Отвожу эту розовую зефирку в группу под восхищённые вздохи её одногруппников, удивлённые взгляды родителей и чуть ли не вопли восторга от воспитательницы Валентины Ивановны.

Оставив сестру блистать в королевском наряде, я выхожу на улицу и направляюсь на своё первое утреннее занятие.

Мысленно настраиваюсь на работу с Олей – девочкой творческой, но имеющей серьёзные проблемы с речью и поведением. Если какая-то задача не связана с рисованием, её фиг заставишь это сделать. Именно поэтому мы с ней абсолютно всё рисуем, вырезаем, клеим и творим.

Буквы, цифры – всё пропускаем через арт-терапию. Прорабатываем и социальные истории. В прошлый раз, например, детально прорисовывали сценарий «Поход в магазин». Оля счастлива, потому что просто рисует, а я довольна, что она в процессе осваивает и проговаривает строгую очерёдность действий. Чуть позже мы попробуем по этой готовой зарисовке сходить в реальный супермаркет. Думаю, если нашей целью станет покупка нового альбома и красок, Оля точно согласится на этот эксперимент. На ходу строю в голове чёткий план, как это грамотно реализовать.

Увлёкшись мыслями и не смотря по сторонам, я вздрагиваю от резкого и громкого автомобильного клаксона.

Вскидываю глаза. Хромов.

Не уехал, оказывается. Стоит у обочины и ждёт.

Он неторопливо выходит из салона своего внедорожника и демонстративно открывает передо мной переднюю пассажирскую дверь.

– Прошу. Есть разговор.

– Спасибо, Демид, я дойду пешком.

– Аня, просто сядь в машину, – в его голосе прорезаются те самые нотки, которым невозможно отказать.

Закатываю глаза, но покорно сдаюсь и забираюсь внутрь.

Когда Хромов занимает водительское кресло, он мимолётом мажет по мне пристальным взглядом, а я демонстративно отворачиваюсь к окну, рассматривая прохожих.

– Ань, ты подумала над моим вчерашним предложением?

– Нет.

– Подумай. И соглашайся. Это лучший выход для вас с сестрой.

– Ответьте мне честно всего на один вопрос, – поворачиваюсь к нему всем корпусом, – и я торжественно обещаю подумать.

– Это уже пахнет шантажом, – Демид криво усмехается. – Не тебе в твоей нынешней ситуации выдвигать условия.

– И тем не менее. Мне это важно.

Он несколько секунд барабанит пальцами по рулю, о чём-то размышляя, а потом глухо роняет:

– Хорошо. Задавай.

– Почему вам нужно жениться и именно на один год? В чём причина?

Хромов шумно набирает в лёгкие побольше воздуха и медленно, тяжело выдыхает. На лице на мгновение проскальзывает тень усталости, будто он долго собирается с силами для признания:

– Ань, мне сейчас жизненно необходима видимость нормальной, стабильной семейной жизни. Только так я смогу окончательно закрыть вопрос с Альбиной и её отцом. И защитить свой бизнес. Плюс ко всему, от меня наконец-то отстанут родственники со своими вечными причитаниями, что мне пора остепениться. А мой батя… Батя наконец-то успокоится. Если он уйдёт из этого мира – а у него неоперабельный рак, – то уйдёт счастливейшим человеком, зная, что я не один.

Я испуганно замираю, чувствуя, как внутри всё сжимается от внезапного стыда. Вот куда ты лезла, дурында языкастая?

Теперь я по-настоящему понимаю Хромова.

Я бы сама, без раздумий, согласилась на любой театр абсурда и фарс, если бы это смогло хоть немного скрасить и облегчить последний год жизни моей мамы. Она ведь тоже уходила очень тяжело…

– Ясно, – тихо произношу я, сглатывая подступивший к горлу ком воспоминаний. – Я обещаю подумать над контрактом, Демид. Серьёзно. Теперь мне хотя бы ясна ваша истинная мотивация, и я… кажется, я вас понимаю.

Он ничего не отвечает, лишь едва заметно кивает, крепче сжимая руль.

Я уверена, что Демид Хромов в принципе ни с кем особо не откровенничает и не привык обнажать свои слабости. Так что это минутное признание было для него огромным шагом.

Больше я его не трогаю. Не отсвечиваю вопросами и едкими шпильками. Даю спокойно подвезти себя до нужного адреса, бережно охраняя его тяжёлое молчание.

После индивидуальных выездов в Центр прилетаю уже ближе к трём часам дня.

Сегодня ничего отменить или перенести нельзя. У меня по плану ещё три ученика. До пяти вечера.

Алиса и Святослав примерно одного уровня. Поэтому мы объединили их в пару и занимаемся подготовкой к школе. Если всё сложится хорошо, они вместе пойдут в один класс и будут держаться друг друга. Интеллект у ребят сохранный, а вот с речью у обоих беда. Зато они одинакового темперамента – тихие, усидчивые. Могут целый час послушно писать прописи, делать что-то по визуальному образцу, а если нужно выполнить задание, озвученное только на слух – сразу заминка. Им пока физически сложно координировать фокус «доска – тетрадь». Работы ещё вагон.

Занимаемся в отдельной комнатушке, где установлены две маленькие парты, доска, импровизированный стол учителя и больше никакого визуального шума.

Ещё год назад эта парочка могла работать только в режиме «рука в руке» с тьютором, а сейчас они уже совершенно самостоятельно пишут цифры в тетрадях и вовсю щелкают примеры на сложение. Для кого-то пустяк, а для них – это их собственный, покорённый Эверест!

Когда последний ученик, Костя, вместе с мамой, уходит, Центр наполняется глухой, звенящей тишиной. Здесь остались только уставшие до полусмерти педагоги – Стася и Ольга Викторовна, которая тоже только что отпустила Мишку с ЛФК, зафиналив комплекс расслабляющим массажем.

Ольга Викторовна уже в курсе нашего вчерашнего ночного происшествия – Стася успела поведать. Сидим в моем кабинете-столовой-складе и пьём чай.

– Вас правда вчера Хромов к себе увёз? – тихо спрашивает Стася, рассматривая дно своей чашки.

– Да.

Ольга Викторовна у нас паникёр первого уровня, поэтому тут же всплескивает руками:

– Ой, Анечка… Очень большой и опасный человек этот Демид Хромов. С такой головокружительной высоты как бы больно не упасть.

– Я и не собираюсь взбираться на эту вершину, Ольга Викторовна.

Звучит двусмысленно и как-то не очень красиво, да? Но я во всех смыслах этого слова не планирую на него взбираться.

Со Стасей мы на всякий случай договариваемся, что если ситуация выйдет из-под контроля, я переберусь с Иринкой к ней в общагу. В ту самую комнату, которую ей выделило государство как сироте. Но, вспоминая её крошечные четырнадцать квадратных метров и то, как ревностно подруга относится к идеальному порядку, я мысленно этот вариант отметаю. У девчонки и своих забот выше крыши. Она полжизни мечтала о собственном тихом угле, а тут нагрянут новые «захватчики-оккупанты». Ну уж нет! Да ещё и с моим шерстяным зверинцем.

К Ольге Викторовне я тоже жить не сунусь, хоть она и приглашает от чистого сердца. Ей самой забот хватает по горло. У её двенадцатилетнего сына хорошо компенсированное, но всё же ДЦП. Это каждодневные изнуряющие занятия, курсы реабилитации, массажи. А я со своим розовым электровеником и зоопарком мигом разрушу их хрупкий быт.

Нет. Проблемы надо решать самой, а не за счёт чужого ресурса. В конце концов, Хромову этот «союз» тоже жизненно выгоден. Это честный бартер, а не унизительная милостыня или отжатие чужого пространства.

Раз Хромов готов терпеть нас со всем нашим цыганским табором, то и я как-нибудь перетерплю.

Всё-таки получится из меня этакая образцово-показательная «фиктивная жена-терпила».

А раз свадьба понарошку, значит, и для реальных обид повода нет?

Но почему-то, ещё даже не дав официальное «добро» на эти заведомо неправильные отношения, я ловлю себя на странной мысли: меня внутренне корежит от того, что Хромов будет с кем-то там спать на стороне.

Вот с чего бы вдруг? Какая мне разница?

Ладно, надо будет сразу договориться на берегу, чтобы его интрижки не становились достоянием общественности. И уж тем более чтобы об этом не пронюхали Иринка и органы опеки, а то…

Глава 12. Виват, королева!

Аня

Блин, Иринка!

Смотрю на часы и пулей лечу забирать мелкую из детского сада, мысленно предчувствуя очередной локальный апокалипсис.

Но на крыльце меня встречает абсолютно невероятное зрелище: систер стоит в совершенно целом платье, в неразодранных и даже не потерянных розовых туфлях, да ещё и с аккуратно заплетённой косой. Чертовщина какая-то.

Следом за ней из дверей плавно выплывает Валентина Ивановна.

– Ну, как сегодня Иришка? – с замиранием сердца интересуюсь я.

– О-о-о! – воспитательница многозначительно закатывает глаза, будто судорожно ища в чертогах разума подходящие цензурные слова. – Сегодня они с ребятами самозабвенно играли в средневековое королевство. Ваша, разумеется, была правящей королевой. Восседала на стуле-троне. Величаво каталась на «карете», сооружённой из пластиковой тележки для игры в супермаркет. В тележку были запряжены Витя и Максим. Иришка понукала их импровизированным хлыстом из плетёной скакалки, а половина девочек из группы преданно служили её фрейлинами.

– О боже… – я прикрываю рот ладонью.

– Это ещё не всё, – поднимает палец Валентина Ивановна. – Всё шло прекрасно до поры до времени, пока одна из фрейлин не вступила в тайный сговор с одним из скакунов и не попыталась у нас на прогулке устроить вероломный дворцовый переворот. Но действующая власть в лице Ирины Первой чуть не подвергла бунтовщиков жестоким средневековым пыткам. Обещала закинуть им за шиворот майских жуков. Так что почитайте-ка на досуге, милая Аня, наш родительский чат и как-нибудь аргументированно отпарируйте страждущей общественности. Иначе завтра монархия будет безжалостно свергнута новым республиканским строем. И главой республики, представьте себе, изберут коня. Того самого Витю.

Мы дружно хохочем. Ну за что я обожаю этого педагога от бога, так это за потрясающее чувство юмора и стальные нервы!

– Я почитаю, Валентина Ивановна. Обязательно. И что-нибудь дипломатично «отпарирую».

Мы снова заговорщически хихикаем. Воспитательница наклоняется чуть ближе ко мне и уже вкрадчиво, на ухо, шепчет:

– Виват, королева Ириска, конечно… Но больше, Анечка, в таком наряде её в сад не приводите. Иначе точно будет бунт. И поверьте, не среди детей, а среди нашего педагогического состава. Платье стоимостью в три моих месячных оклада – это, знаете ли, моветон. И жуткий, просто монументальный повод для сплетен на тему того, откуда у скромного волонтера такие покровители.

– Спасибо, Валентина Ивановна. Учту. Больше никакого кутюра.

Да уж, будем свергать корону уже в домашних условиях. А Хромову от меня сегодня вечером знатно прилетит за такие демонстративные расточительные жесты!

О господи… Поймав себя на этой мысли, я замираю.

Это что же получается? Я уже превращаюсь в сварливую жену, которая пилит мужа за нерациональные траты и контролирует семейный бюджет? Не-не-не… Это точно не про меня.

Выходим из детского сада с этой новоиспечённой представительницей монархии, и… Нас у ворот уже верноподданно поджидает личный водитель Хромова. Тот самый, что вчера вез меня на нашу первую «деловую» беседу.

– Анна Сергеевна, Демид Юрьевич просил встретить вас и отвезти домой, – вежливо сообщает мужчина, открывая заднюю дверь.

Я бы, конечно, из чистой вредности взбрыкнула и отказалась, но дураков нет. Пылить в час пик через весь город по глухим пробкам, да ещё и с двумя пересадками на душных автобусах? Ну уж нет.

Юху!

– Добрый вечер. Да, конечно, едем, – соглашаюсь я с самым невозмутимым видом.

И вот теперь я физически чувствую себя той самой королевой, которую сегодня весь день из себя изображала моя мелкая сестрёнка.

Карета подана, Анна! Не соблаговолите ли вы присесть? Только корону на входе всё-таки снимите, а то крышу представительского авто ненароком проткнёте.

Блаженно вытянув ноги в комфортабельном «неавтобусе» с мягким климат-контролем, мы летим «домой».

Ох, как бы не привыкнуть к такому шикарному сервису раньше времени…

Но это, как оказалось, была лишь первая, самая невинная часть Марлезонского балета.

Если бы я только знала, какой сюрприз ждёт меня в этом доме сегодня, я бы десять раз подумала, стоит ли туда вообще возвращаться.

В первые разы, когда я бывала у Хромова, из-за стресса даже не обратила внимания на детали. А посмотреть тут есть на что: ухоженный, хоть и только-только распускающийся сад, стильная зона барбекю, новенький банный комплекс и вообще – масштабы всего этого великолепия поражают. Вау!

И что, пусть и фиктивно, но на целый год я могу поиграть в законную хозяйку этого дворца?

Гарсон, шампанского мне! Несите скорее трон и ведите сюда этих людей с опахалами. Жарко мне, горю!

Хотя стоп.

После вчерашнего ночного пожара шутить про «горю» как-то вообще не тянет.

Ладно, отставить опахала, обойдёмся просто веером, не так уж тут и жарко.

Стоит машине остановиться, как нам навстречу со всех ног несётся Ади. Господи, у него от природы такая лоснящаяся, ослепительно блестящая шерсть или это побочный эффект утреннего заплыва? Хорошо же его Иринка сегодня искупала в бассейне.

Следом за псом грациозно семенит Василиса. Блин, а кого это она так гордо несёт в зубах?!

О нет, фу-у-у… Мышь поймала! Охотница хренова.

И судя по траектории её движения, кошка твёрдо намерена притащить добычу прямо под порог новому хозяину дома. В знак уважения и признания авторитета.

Собственно, так и происходит.

Из дверей особняка как раз выходит сам Хромов, чтобы нас встретить. И, признаться честно, этот жест мне чертовски приятен. Он что, улыбается? Искренне?

На какую-то микросекунду я даже забываю, что у нас тут вообще-то разворачивается филиал цирковой арены. Но Сифилиса мгновенно отрезвляет меня, с победным видом роняя дохлый трофей прямо к дорогим кожаным туфлям Хромова.

Демид, к моему удивлению, реагирует на редкость адекватно.

Спокойно говорит кошке: *«Спасибо, оценил»*, и даже благосклонно чешет шерстяную подлизу за ушами.

Иринка тут же падает на корточки, увлечённо рассматривая грызуна:

– Ох-хо-хо… Помер. Отмучилась скотинка! – замогильным голосом причитает сестрёнка.

Я из последних сил давлю дикий смех. Хромов, судя по дёргающемуся уголку губ, тоже на грани.

– Надо его похоронить, – авторитетно заявляет Ириска, поднимая на Демида серьёзный взгляд. – Нужна маленькая коробка и баян.

– Баян-то зачем? – искренне недоумевает Хромов.

– Ну как зачем? Музыка же нужна! Мыша надо по-человечески, с почестями проводить.

Одним лишь коротким, выразительным взглядом Хромов переадресует водителю задачу заняться трофеем и организацией внеплановых похорон.

Иринка тут же уносится за Алексеем во двор, на ходу громко вереща, что руками трогать усопшего грызуна ни за что не станет, но процесс погребения проконтролирует лично.

Демид, качая головой, мягко подталкивает меня в спину, провожая в дом, пока Ириска и водитель торжественно предают земле и отдают последние почести безвременно почившему от лап Сифилисы грызуну.

– Как прошёл день? – спрашивает Хромов, когда мы заходим в дом.

– Если не думать о том, что вчера у меня сгорела прошлая жизнь, то вполне сносно, – отзываюсь я.

Мы неторопливо идём в сторону его кабинета. Атмосфера уже не утренняя, более спокойная.

– Ты подумала о моём предложении, Ань?

Останавливаюсь у порога и внимательно смотрю на него. Пора сбрасывать маски.

– Похоже, у меня действительно нет другого выхода. Скоро плановая проверка опеки. Заявиться по старому адресу они больше не могут – заявляться некуда. Если ты организуешь так, чтобы они пока нас не дёргали, или предоставишь место, где мы с Ириской сможем официально прописаться хотя бы на этот год, то я согласна. Я не хочу и не могу потерять сестру. Это мой единственный приоритет.

– Хорошо. Вопрос решён. Пропишем вас здесь, – без лишних раздумий кивает Демид.

– И вы… то есть ты, не подумай ничего такого, – я начинаю немного тараторить от волнения. – Мы можем всё это официально зафиксировать в контракте, в брачном договоре. Я ни на что твоё не претендую. За этот год я расшибусь в лепёшку, но как-то решу проблему с собственным жильём и постоянной пропиской Иринки.

– По завершении контракта у тебя будет отдельная комфортная квартира и приличный счёт в банке, – спокойно перебивает он мой поток оправданий.

– Угу… – выдыхаю я, а внутри противно зудит мысль: «И дыра в душе размером с километр».

Так, стоп! Это сейчас откуда вообще прилетело?

Нет-нет-нет. Никакой лирики, Аня. Только деловые отношения. Держи дистанцию и не подпускай его близко.

– Что притихла, Ань? – Хромов внимательно всматривается в моё лицо.

– Это всё просто охренительно странно, – честно признаюсь я, обнимая себя за плечи. – Мне в этой жизни никогда и ничего не давалось так легко и просто. За красивые глаза.

– А это и не просто так. Считай, что это взаимовыгодное партнёрство, чистый бизнес, и всё.

– Я никогда не жила за чужой счёт и ни под чьи требования не подстраивалась. Мне будет чертовски непросто привыкнуть.

– Требования с моей стороны минимальные, – Хромов проходит к столу и опирается об него руками. – Все твои проблемы на этот год становятся моими. Мы заключаем официальный брак. Пышно, ярко, чтобы у прессы и знакомых не возникло вопросов. Ты сопровождаешь меня на мероприятиях везде и всюду. Через год я отпускаю тебя в свободную жизнь.

– Под каким предлогом? Какова официальная версия для публики?

– Банальное «не сошлись характерами».

– Никогда не понимала эту дурацкую формулировку, – фыркаю я, проходя вглубь кабинета. – Чай, не девятнадцатый век на дворе, когда жених с невестой впервые виделись у алтаря. Как в наше время можно не сойтись характерами? Зачем вообще выходить замуж за человека, если ты не удосужилась узнать его характер до свадьбы?

– Логично, согласен, – Демид слегка наклоняет голову набок, на его губах играет тень улыбки. – Тогда какова твоя версия причины нашего развода?

– Не знаю… Отсутствие детей?

– Ну нет. Это вообще не вариант, – тут же отбраковывает он мою идею. – Во-первых, год брака – это ни о чём для появления наследников. Во-вторых, я в принципе не приемлю эту причину для расторжения отношений между мужем и женой. А в-третьих, мы оба в глазах общественности будем выглядеть в этой истории как-то не очень. Давай что-нибудь другое.

– Хорошо. Каковы ещё твои варианты?

– Измена с треском отменяется, скоропостижная кончина одного из супругов тоже…

– А что? Может, доиграем этот фарс до конца? – подмигиваю я. – В финале этой сюрреалистичной картины я трагически помру.

Я откровенно стебусь, но Хромов внезапно становится мрачнее грозовой тучи. Всё-таки какие у него феноменально говорящие брови – вот прямо сейчас они мгновенно сошлись в одну суровую, жёсткую линию.

– Со смертью не шутят, Аня. Нет. Этот вариант даже в шутку не произноси.

По спине пробегает лёгкий холодок от его тона.

– Ладно, извини… Тогда, может, слишком разные миры?

– Это в каком смысле? Ты у нас с Луны свалилась? – Хромов снова посмеивается, и напряжение в воздухе слегка разряжается.

– Нет. Я о том, что… Ну, образно. Если ты привык есть запечённую форель специальной вилкой для рыбы, то я какую-нибудь солёную селёдку – исключительно руками на газетке. Хотя нет, – я прикусываю язык, вспоминая прошедшую ночь. – С учётом нашего ночного ужина этот аргумент не канает. Мы оба знатно уплетали яичницу, макая батон прямо в сковородку.

– Вот видишь. Идеальная пара! – резюмирует Демид.

Мы оба не выдерживаем и синхронно прыскаем от смеха. Отсмеявшись, я примирительно поднимаю руки:

– Ладно, я сдаюсь. Пусть остаётся это стрёмное «не сошлись характерами».

– Угу, – соглашается Хромов, ухмыляясь. – Универсальная отмазка на любой случай жизни!

Хотя подсознание кричит: «Не сработает!»

Глава 13. Первый шаг

Аня

Хромов на самом деле огромный молодец. Всего за один день, пока я моталась по занятиям, гостевая комната, в которой мы с Ириской ночевали, волшебным образом преобразилась в милую, уютную девичью детскую в нежно-розовой и белой цветовой гамме. Очень красиво.

Правда, надолго ли? Уверена, что нет.

Эта стерильная красота продержится ровно до первого окрашивания водоэмульсионной краской Сифилисы или очередного творческого эксперимента Иринки с аппликациями и клеем ПВА.

Здесь же обнаружился новенький шкаф, до отказа забитый вещами её размера.

И вся одежда, как на подбор, брендовая.

Да уж, мамочки в садике точно не обрадуются такому параду роскоши. Надо будет обязательно поговорить с Демидом об этих необоснованных тратах и лично купить Ириске пару комплектов попроще.

Скоро конец месяца, мне как раз выплатят зарплату от уроков. На базовые вещи точно хватит. Коммуналку мы теперь не платим, на еду тратиться почти не придётся, так что вполне сможем себе кое-что позволить.

После детской я поднимаюсь наверх, где теперь располагается моя личная комната.

Красиво – не то слово. Интерьер выдержан в белых тонах с мягкими оттенками серого и пудрового. Огромная, поистине королевская кровать заправлена белоснежным покрывалом, а на ней высится целая гора декоративных подушек и небрежно брошен плед. Выглядит так, будто здесь вовсю творил топовый дизайнер из IKEA. Только раз в десять дороже.

Из спальни ведёт дверь в собственную ванную комнату с огромной душевой кабиной, где при желании можно спокойно поместиться вдвоём.

Так, стоп, Аня, отставить эти мысли!

Следом осматриваю гардеробную. Она тоже заполнена вещами.

Сначала на меня накатывает паника, что я по ошибке забрела в чужую спальню, но вовремя замечаю: вся одежда абсолютно новая, с этикетками и ярлычками. И, что самое поразительное, строго моего размера.

– Да уж… Настоящая девичья мечта, – шепчу я, проводя ладонью по вешалкам.

Всё настолько безупречно, что к вещам даже прикасаться страшно. А ещё страшнее – привыкнуть ко всей этой роскоши, которая исчезнет ровно через триста шестьдесят пять дней.

Быстро принимаю душ.

Выхожу и переодеваюсь в удобный домашний костюм из лёгких, струящихся брюк. И только я собираюсь надеть бюстье и топ, как снизу доносится истошный, оглушительный вопль Иринки:

– А-а-а-а!

В панике натягиваю свободную майку прямо на голое тело и босыми ногами с грохотом лечу по лестнице, чуть не раскатываясь на идеально гладком, лакированном паркете в холле. Кое-как удерживаю равновесие.

Вбегаю в гостиную и замираю, застав эпичную картину маслом.

Сквозь распахнутые стеклянные двери, ведущие прямо в сад, в дом влетает моя егоза. Руки и ноги по локоть в какой-то грязи или глине. Она на бешеной скорости носится наперегонки с Ади, весело и оглушительно визжа на весь особняк.

Я вообще отказываюсь понимать, что здесь происходит.

Выбегаю следом за ними на лужайку и присматриваюсь к псу.

О боже… Ади что-то победно сжимает в зубах! Пытаюсь увернуться от несущейся на меня сестры, а та орёт на всю улицу, не стесняясь в выражениях:

– Адя, козёл! Отдай мыша! Его уже похоронили! Это же чистое свино-татство!

Я на автомате бросаюсь наперерез Ириске, чтобы перехватить этот ураган, но в следующую секунду подо мной пульсирует земля. Потому что какой-то невидимый компьютерный гений именно в этот момент врубил автоматические поливалки.

Ноги мгновенно скользят по влажной траве, я теряю опору и с размаху бухаюсь прямо на задницу. В лужу.

– Ай! – Иринка резко оборачивается и замирает, наблюдая, как я эпично восседаю посреди газона, а на меня со всех сторон безжалостно бьют струи холодной воды. Промокаю в одно мгновение.

Осознав масштаб катастрофы, мелкая вместе с Ади-некромантом на полной скорости разворачиваются и летят в мою сторону.

При этом Ириска орёт во весь голос:

– Демид! Демид, беги скорее! Аня на жопу упала! Помогай!

Из дома пулей выбегает Хромов.

Господи, мне хочется прямо сейчас провалиться сквозь землю или просочиться вместе с этой поливальной водой.

Ади, уловив момент, брезгливо бросает несчастного мыша и несётся ко мне «на подмогу». С другой стороны огромными шагами приближается Демид. Вокруг нас прыгает и истошно вопит Иринка. Полный кошмар.

В сумасшедшем доме объявили внеочередные каникулы?

Демид мгновенно опускается на колени рядом со мной прямо в мокрую траву. Его руки быстро и бережно ощупывают мои ноги.

– Ань, как ты? Где болит? Встать можешь? – по голосу слышно, что он бежал со всех ног. Дыхание сбито, слова звучат рвано, а в глазах – неподдельный испуг.

– Нормально… Кажется, просто копчик немного отбила, – ворчу я, убирая со лба мокрые пряди волос. – Как-то у тебя тут не очень-то мягко.

– Это газон, Ань, а не пуховая перина, – на его губах проскальзывает слабая облегчённая усмешка. – И не «у тебя», а «у нас». Привыкай. Иди ко мне.

Он аккуратно, но крепко подхватывает меня на руки. Мои ладони перепачканы в грязи после неудачного приземления, но я интуитивно, спасаясь от холодных брызг, цепляюсь за его шею и размазываю чернозём прямо по его ослепительно белоснежной рубашке.

– Ой… Прости, рубашку испачкала.

– Оставь, всё равно переодеваться. Мы оба уже вымокли до нитки.

Всё ещё держа меня на руках, он оборачивается и чётко, по-командирски отдаёт приказ застывшей сестрёнке:

– Ириска, марш в дом и быстро в душ. Смыть грязь и переодеться. А потом мы устроим детальный разбор твоих утренних полётов и вечерних пируэтов с псом. Живо!

Иринка, к моему глубочайшему шоку, слушается его беспрекословно.

Настоящая магия авторитета.

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, розовое облако послушно уносится в дом.

Демид быстрым шагом заносит меня в особняк, поднимается по лестнице и бережно доставляет в ванную комнату. Так как мои ноги в грязи, он аккуратно опускает меня прямо на кафельный пол душевой кабины.

– Ань, стоять можешь самостоятельно?

– Угу, – киваю я, хватаясь за хромированный поручень.

– Ну-ка, пошевели пальцами, согни колени.

Я послушно выполняю его команды, чувствуя себя глупой послушной куклой.

– Фух… Всё нормально, – Демид шумно выдыхает, утирая капли воды с собственного лица. – Если что-то и будет, то максимум лёгкий ушиб. Не более. Давай, забирайся в душ, грейся и тоже спускайся вниз.

Он стоит так близко, что я физически ощущаю не просто его тепло, а настоящий, обжигающий жар, который исходит от его тела и лёгкими, покалывающими разрядами электричества оседает на моей мокрой коже. Какая-то изощрённая пытка.

Тонкая белая майка от воды становится абсолютно прозрачной и намертво облепляет тело.

Соски – то ли от ледяных брызг из поливалок, то ли от пугающей близости Хромова – вызывающе торчат, пробивая мокрую ткань.

Мои щёки мгновенно вспыхивают так, что, кажется, кожа сейчас закипит.

Демид судорожно сглатывает.

Он демонстративно прокашливается, с трудом отводя взгляд в сторону, но через секунду всё равно возвращается им ко мне. Смотрит в упор.

– Красивая, пиздец.

Его дыхание – горячее, но с прохладными нотками мяты – касается моих губ. Он слишком близко. Я стою с приоткрытым ртом и буквально зависаю в ожидании, что вот сейчас…

– Ань, может, пересмотрим пункт о «неприкосновенности»?

Глава 14. Разбор полетов

Аня

Молчу, зависнув на пару секунд. Хромов отмирает первым. Он слегка кивает и делает шаг назад.

– Я, пожалуй, пойду. Эм… Переоденусь. Жду тебя внизу.

Он выходит из ванной, а я остаюсь стоять, оглушенная произошедшим.

Глупо отрицать очевидное: нас безумно тянет друг к другу.

Горячий душ вообще не согревает.

Меня всё еще крупно потряхивает на чистом адреналине.

Перед глазами до сих пор стоит его прожигающий, гипнотический взгляд. В ту секунду мне на мгновение показалось, что его зрачки полностью затопили радужку, сделав глаза абсолютно черными. Фух…

Долго стою под тугими струями воды, толком не понимая, чего хочу больше: остыть или наконец согреться.

Тело бьет мелкая дрожь, а внизу живота стягивается тугой, болезненный узел. Может, я просто съела сегодня что-то не то? Или это закономерный финал эмоциональных качелей последних дней?

Ага, утешай себя, Анечка, успокаивай.

Мое подсознание прямо сейчас ехидно нашептывает: *«Перекусила ты, дорогая, полыхающим взглядом Демида Хромова. Вот тебя теперь и штормит».*

Так, Аня, возьми себя в руки.

Включаем холодный расчет и отключаем гормоны.

Я – будущая фиктивная жена. Ровно на один год.

Он не любит рыжих, сам об этом четко и без прикрас заявлял.

Он открыто дал понять, что интим рассматривает исключительно с другими женщинами, но никак не со мной. То, что произошло минуту назад – чистая случайность, сбой в матрице. Я для него – всего лишь удобная ширма на триста шестьдесят шесть дней. Ладно, на триста шестьдесят пять, и ни единой секундой больше!

После этого ментального аутотренинга кое-как прихожу в себя.

Перекрываю воду.

Главное теперь – с нарядом не облажаться и случайно не спровоцировать новый виток этого безумия.

Выбираю максимально закрытый, скромный вариант: домашнее платье из плотного трикотажа белого цвета почти в пол.

Правда, у него обнаруживаются охренительные, рискованные разрезы по бокам, но зато верх выглядит глухим и вполне сдержанным.

Под ткань я предусмотрительно натягиваю плотное бюстье. Хватит с нас на сегодня полупрозрачных маек.

Никакой двусмысленности в наших сугубо деловых отношениях с Демидом Хромовым я больше не допущу.

Но стоит мне спуститься и войти в комнату, как его красноречивый, потяжелевший взгляд наглядно демонстрирует: я могла нацепить на себя хоть бесформенный холщовый мешок из-под картошки. Всё, что нужно было заприметить, этот мужчина уже оценил некоторое время назад. А дальше воображение Хромова само дорисовывает сочную картинку – ровно настолько, насколько у него хватит внутреннего ресурса и мужской фантазии.

Демид тоже успел переодеться.

На нём сейчас свободные серые спортивные брюки из мягкого хлопка и простая белая футболка.

Красивый, блин, до невозможности.

В таком домашнем виде он больше не выглядит недоступной бизнес-иконой со страниц глянца, и моё предательское подсознание тут же расслабляется, начиная подбрасывать в мысли непозволительные, слишком яркие картинки.

Главное – ничем себя не выдать.

Зигмунд Яковлевич, миленький, давай мы сегодня только сны проанализируем, ладно? С оговорками давай пока повременим.

Мне только не хватало выглядеть нелепо перед человеком, который выбрал меня в качестве годового приложения к своей жизни. Приложения, которое должно просто четко выполнять свою функцию, не лезть куда не просят и уж тем более – не пытаться менять заводские настройки чужой биографии.

Борьба с собой окончена.

С самым независимым видом присаживаюсь на край дивана, скромно пряча ноги под подол и чинно сложив сомкнутые ладони на коленях.

Образцовая невеста, как она есть.

Но я тут же ловлю взгляд Хромова на моих ногах, которые чуть оголяются в разрезе платья. Демид не был бы самим собой, если бы упустил шанс это прокомментировать:

– Я там уже всё видел. Так что можешь не прятать ноги свои… красивые.

К счастью, в комнату прилетает Ириска и перетягивает всё внимание на себя.

Ура, можно наконец перевести дыхание.

Иринка уже чистая и до невозможности милая: на ней розовая пижама с единорогами, а на ногах – носочки с заячьими мордочками. Ну и как в таком ангельском виде взывать к ее совести и журить за пакостное поведение?

Вот же хитрюга!

Даже корону свою сняла – видимо, временно отреклась от престола ради тактического маневра.

Демид дает мне знаками понять, что сам поговорит с ребенком. Я лишь киваю, собираясь понаблюдать за этим шоу со стороны.

– Иринка, расскажи, как ты сегодня провела день?

– Хо-ро-шо, – тянет она, усердно разыгрывая святую невинность.

– А было ли что-то в твоем поведении, что мы с Аней могли бы воспринять как жесткую шалость?

Девица показательно вздыхает.

О да, сейчас начнется акт великого покаяния. Грядёт драма…

– Ах, да…

Иринка выдерживает профессиональную театральную паузу. Ей бы еще ручонкой за сердечко схватиться для полной убедительности. Если рядом бросить шляпу, она прямо сейчас соберет все монеты и конфеты мира, как поросенок Фунтик. Станиславский не просто поверил бы – он бы рыдал от восторга! Актриса погорелого театра, не иначе.

– Эх! – снова вздыхает этот маленький лицедей. – Не нужно мыть животных в бассейне. Из-за этого взрослым теперь нужно менять в нем воду и чистить фильтры. Прости, Демид. Если это дорого, я могу сама что-нибудь почистить…

– Ты лучше пообещай больше Ади и Василису в бассейне не купать, – сдерживая улыбку, отвечает Хромов. – Они вообще-то воду не особо любят.

– Хорошо, я постараюсь больше так не шалить, – легко соглашается Ириска, но тут же хитро прищуривается: – Но я не даю стопроцентной гарантии, что в меня снова не вселится бес.

Мы с Демидом едва сдерживаемся, чтобы не заржать в голос.

Но если сейчас прыснуть, весь педагогический эффект мгновенно обнулится, а вместе с ним – и авторитет всех будущих бесед в этом доме.

Иринка должна четко осознавать границы дозволенного.

Хромов тем временем держит строгое лицо и продолжает допрос:

– Может, вспомнишь еще что-то?

– Я испачкала пол в гостиной, – вздыхает мелкая.

– И как планируешь исправлять?

– Могу помыть.

– Заметано!

У Ириски показательно округляются глаза.

Ага, думала, во всем покаешься, включишь взгляд кота из «Шрека» и тебе всё простят?

Нифига, дорогая!

Взрослая жизнь – она такая. Тряпку в руки и вперед, ликвидировать последствия собственного характера.

– Есть что-то еще? – уточняет Демид.

– Я изображала в садике царицу, а ВалентинВанна сказала, что я недостаточно вели-кодушная для этого. Поэтому завтра я пойду без короны.

– Правильно. Корону вообще полезно иногда снимать, – кивает Демид. – И давай договоримся на берегу: ты обычная девочка, без голубых кровей и монаршего титула. Слуг у тебя нет. Накосячила – убираешь сама. Договорились?

– Да, – уже абсолютно вне образа, уныло гнусавит наша свергнутая власть.

– Ну раз во всем призналась, шагом марш отмывать этот пол. Тряпку возьмешь у Марии Владимировны.

В дверном проеме я замечаю женщину лет пятидесяти – нашу горничную. Похоже, она уже проинструктирована, потому что заранее запаслась ведерком с водой и небольшой тряпкой.

– После уборки моешь руки и за стол, – Демид хлопает ладонью по колену, закрывая заседание домашнего суда. – Сегодня у нас по плану вкусная пицца. Мы с Аней идем накрывать на стол, а ты тоже не робей и трудись.

Ириска еще раз показательно вздыхает и плетется за ведром.

Демид одними глазами подмигивает горничной, без слов прося присмотреть за исправительными работами Ириски.

Мы идем на кухню. Тяжелое, густое молчание, которое мы так старательно сбивали детской темой, мгновенно возвращается и затапливает пространство между нами.

Пока мы двигаемся по коридору, Демид медленно сокращает расстояние и останавливается всего в паре шагов от меня. Его взгляд снова скользит по моему платью, осязаемо задерживается на разрезе, а затем поднимается к лицу. Смотрит в упор.

– Сдала позиции твоя аристократия, – негромко говорит он, и в его глазах пляшут опасные чертята.

– Твоими стараниями, – улыбаюсь я, отчаянно пытаясь удержать голос в регистре делового спокойствия. – Жесткие у тебя методы, Хромов, но одобряю.

– Зато рабочие. Привыкай.

Он подмигивает и делает шаг в сторону кухни, оставляя после себя тонкий шлейф парфюма с терпкими нотками дубовой коры и бергамота. Я вдыхаю их, чувствуя, как по коже до сих пор бегут микротоки от его близости.

Фиктивный брак, говорите? Ну-ну…

Глава 15. Фиктивные душнилы

Аня

После ужина я укладываю Ирку спать.

На завтра мною – под чутким руководством пятилетней иконы стиля (и откуда это взялось за один день?) – выбран самый «неброский» и «непафосный» наряд. Ха-ха три раза!

Розовая футболка и джинсовый комбинезон с гигантскими нашивками диковинных птиц всех кислотных оттенков. Ириска в восторге. Я бы и сама такое носила.

Интересно, на меня размерчик найдется? Мои особые ребята на занятиях точно оценили бы этот наряд клоунессы!

Нахожу в её новой комнате пару детских книг – ярких, с забавными историями. Читаем, немного смеемся.

– Аня, а мы сейчас здесь будем жить?

– Да, – говорю я с непоколебимой уверенностью в голосе, хотя в душе в этот момент вовсю крутятся качели-карусели.

– Мне не хватает Сифилисы и Ади. Можно я попрошу Демида, чтобы они жили с нами в доме? Я буду их мыть.

– Вот этого точно не надо. Ты сегодня утром их уже так помыла, что всё закончилось извинениями. А на первый раз…

Она послушно подхватывает:

– …прощается, а второй раз – запрещается.

– То-то и оно.

– Чё-то мне взгруснулось.

– Не грусти. Я поговорю с Демидом и узнаю, что можно сделать с этим пушистым зверинцем.

Она засыпает уже в десять. Мирно посапывая в две дырочки.

Вот так сразу и не подумаешь, что этот метр с кепкой в состоянии бодрствования способен в одиночку сгенерировать локальный смерч.

– Спи, мое маленькое стихийное бедствие, – чмокаю я её в лоб и тихо выползаю из комнаты.

Кругом идеальная тишина. Даже жутковато.

Вчера некогда было думать, а сегодня разум наконец-то соизволил включиться. И теперь я никак не могу заглушить этот аналитический центр, развернувшийся в моей голове.

Комнаты для нас... Почему отдельные и почему моя на втором этаже?

По логике вещей и нашей легенде, ты, дорогая, тут не гостья, а без пяти минут супруга. А значит, твое законное место где? Правильно, под боком у мужа.

Невольно вспоминаются почти пророческие слова Ириски до пожара: «Все хотят замуж! И ты хоти!»

А если у меня «хотелка» напрочь сломалась? Что делать тогда?

Еще один животрепещущий вопрос: а кто вообще выбирал интерьер для комнат? Навряд ли Хромов сам лично бегал с рулеткой. Привлекли профессионалов? Сто процентов!

Уверена, Хромов и в детских игрушках, и в правильных книжках ничего не понимает. А белье и наряды? Вот тут загвоздка. Кто? Очень надеюсь, что не он сам. Как-то максимально странненько вести серьезные деловые разговоры с мужчиной, который лично выбирал для тебя трусы. Те самые, которые сейчас на тебе надеты…

Так, стоп. Куда-то не туда меня несет эта бурная мыслительная стихия. Пора сворачивать внутреннюю дискуссию.

В гостиной горит свет. Но там пусто. Демид в кабинете.

Нужно подойти, да?

Как минимум стоит вежливо поблагодарить человека за нашу внезапную «новую жизнь». Как максимум – наконец-то детально обсудить контракт и этот год нашего понарошечного супружества.

Демид расположился за столом: изучает какие-то документы, параллельно работает за лэптопом.

Смотрю на него из темноты коридора.

Красивый, холеный, взрослый мужчина, сложен просто безупречно.

Вот зачем ему, спрашивается, весь этот цирк с фиктивным браком, когда он может легко организовать себе настоящий? Уверена, свистни он – и к его ногам сразу припадет сотня страждущих дев всех форм и видов, и сама потребность в ширме отпадет.

А я? Да, исходные данные неплохие: физическая форма и здоровье в норме, но комплексов во всех местах столько. У-ууу. И все это богатство я отчаянно пытаюсь прикрыть своей воинствующей натурой.

Ладно, я хотя бы честна с собой. Спасибо Зигмунду Яковлевичу и паре его верных последователей – три года терапии явно не прошли даром.

Но раз уж говорят, что противоположности притягиваются, то где же, спрашивается, мой подслеповатый, трепетный девственник-нюня? Налетай, я свободна!

Ого, Хромов в очках? Блин, по остальным пунктам осечка. Эх, не судьба...

А ведь я толком даже не знаю, чем конкретно занимается мой будущий фиктивный супруг.

Разумеется, весь наш город наслышан, что Демид Хромов – гендиректор частной авиакомпании, но на этом официальная информация заканчивается, уступая место байкам. Ходит пара непроверенных слухов о пережитом им крушении. Жестко сел на вертолете где-то в нашей глухой, непроходимой тайге, но умудрился выжить. Правда, после этого с полетами завязал. Кошмар, конечно.

Полжизни боготворить небо, а потом получить от него такое предательство.

Из этих невеселых мыслей меня бесцеремонно выдергивает глубокий мужской голос:

– Аня, ты что-то хотела?

– Хотела, да, – плетусь к нему, на ходу отчаянно соображая, как вообще себя вести перед этим суровым хозяином жизни. Мне сесть или встать по стойке «смирно»? В итоге неуклюже опускаюсь в кресло напротив.

Начинаю максимально сумбурно:

– Знаешь, у Ириски никогда не было такой комнаты и таких вещей... Да и у меня тоже. Я даже не знаю, как за все это тебя благодарить.

– Можешь просто сказать «спасибо».

– Спасибо.

– Мы это уже обсуждали, Аня. Услуга за услугу.

– Угу.

– Брачный договор я подготовлю сам. К свадьбе долго готовиться не будем, всё доверим профессионалам. Через неделю поженимся.

– Ну, всё прямо как в сказке, – не могу я удержаться от очередной язвительной шпильки.

– Если хочешь сказку, просто объясни организаторам, в чем именно она заключается. Они создадут.

А организаторы могут подогнать мне не фиктивного, а искренне любящего мужа? Нет? Ну тогда брехня ваша сказка. Не будет её. Одна сплошная суровая быль и проза жизни в бихевиористском стиле: „стимул – реакция“».

Игнорирую собственные внутренние монологи и иду напролом:

– Демид, а можно личный вопрос?

Он поднимает на меня глаза, наконец-то откладывая документы в сторону.

– Да. Но если я сочту его неуместным, отвечать не стану.

– Ты правда не летаешь?

– Во сне? Нет, – он явно пытается перевести этот разговор в шутку. Что ж, подыграю.

– Угу. Значит, не растешь.

Он чуть заметно хмурится. Ох уж эти его выразительные брови, живущие отдельной жизнью…

– Нет, Аня, не летаю.

– Не пробовал решить эту проблему?

– В процессе.

– Это слишком… личное?

– Да. Закроем тему.

– Эм… Хорошо. Может, тогда расскажешь мне немного о себе? А то как-то странно выходить замуж за абсолютного незнакомца.

– Я вышлю тебе свою официальную биографию.

– И ее хватит, чтобы, например, нормально общаться с твоими родственниками?

– Тебе не придется.

Чувствую, что наш высокоинтеллектуальный разговор заходит в глухой тупик. Поднимаюсь и уже собираюсь выйти из кабинета, но Хромов меня останавливает:

– Аня, все же присядь, – в его голосе отчетливо проскальзывают нервные нотки.

Может, ему валерьянки накапать? А то он какой-то слишком взвинченный и перманентно рычащий. Ладно, покорно сажусь обратно в кресло.

– Аня, может, ты о себе расскажешь?

– Что именно?

– То, что тебе двадцать три, у тебя на руках младшая сестра и двое зверушек-психопатов, я уже в курсе.

– Кстати, о зверушках! Понимаю, что после сегодняшнего погрома эти ребята крупно перед тобой проштрафились. Хотя Сифилиса вообще-то притащила тебе свой законный паек в виде дохлой мыши и благородно бросила к ногам. А это, между прочим, высшая степень кошачьего доверия! Но… Иринка привыкла спать с Сифилисой, да и Ади постоянно где-то поблизости крутился. Можно их все-таки переселить в дом?

– Хм. Я подумаю, как это устроить, – он опять едва заметно хмурится и бросает на меня короткие, но на редкость меткие взгляды, от которых становится как-то колко и жарко одновременно. – Так что там с твоей биографией? Я знаю о волонтерском центре, но в остальном – сплошное белое пятно.

– Я согласна только на честный бартер. Ты мне – факт о себе, я тебе – о себе.

– Ну, окей. Начинай.

– Семья, – киваю я. – У меня была только мама. Отца я в глаза не видела. Мама была по уши влюблена в музыку, её же и преподавала. А еще она организовала тот самый волонтерский центр. Так что это её детище, и теперь я его бережно взращиваю.

– Так же, как и её вторую дочь?

– Да.

– А где отец Иры?

– Вот этого я не знаю. Он технично пропал со всех радаров, едва мама оказалась в положении. Но у нас есть бабуля – вернее, для нас она прабабушка, живет в деревне. На этом список родственников исчерпан. А у тебя?

– Пф… – Демид на секунду зависает, собираясь с мыслями. У меня складывается стойкое впечатление, что этот сухарь вообще ни с кем и никогда не разговаривал откровенно. – С матерью я не виделся и не общался с четырнадцати лет. С отцом они так и не развелись. Теперь он тяжело болен, а она внезапно выплыла из небытия как потенциальная и очень голодная наследница. Отец ей верит, я – нет. Больше у меня никого. От чего умерла твоя мама?

– Рак…

Мы оба затыкаемся. Повисает тяжелая пауза. Кажется, мы без слов поняли друг друга: его отец сейчас борется с тем же самым недугом. Подобные аналогии всегда чертовски болезненны.

– Соболезную, – сухо роняет Демид.

Я лишь молча киваю в ответ.

– Надеюсь, твой отец выкарабкается.

Демид едва заметно качает головой из стороны в сторону и прикрывает глаза.

Молча проглатываю этот жест. В такие минуты лучше вообще держать рот на замке, чем выдавать дежурное сочувствие или пытаться искусственно ободрить человека. Это горько, больно, и есть только один адекватный путь справиться с этим – перетерпеть и дать себе время погоревать.

– Отношения?

– Ты знаешь, – тихо произношу я.

– Я знаю только о Трайковском.

– А еще кто-то должен быть?

– Неужели он единственный? – Его брови опять колосятся вверх, стремясь заползти куда-то в район шевелюры.

– Зачем собирать коллекцию, если даже одного нормального днем с огнем не сыщешь?

– Умно, – хмыкает он. – И как с таким философским подходом ты умудрилась вляпаться в такого крокодила?

– Он прекрасный лицедей, а я была неопытной дурой. Ещё вопросы будут?

– Почему расстались? Резко поумнела?

– Когда на теле появляется с десяток памятных отметин, голова как-то сама собой встает на место.

– Он тебя бил?

– Хм… – не могу ничего произнести, поэтому из меня вылетают лишь междометия.

– Капец! – Демид мрачнеет. – Когда расстались?

– Два с половиной года назад. И давай оставим эту тему. Теперь моя очередь. Альбина?

– Она не единственная, но по моей личной дурости вполне могла ею стать.

– Ты ведь собирался на ней жениться. Почему передумал?

– После трех лет отношений она закрутила роман с моим же помощником. Скоро станет матерью.

– Ты её любил?

– Любовь – это вообще не про меня, Аня. А ты?

– Когда-то думала, что да. Больше такой глупостью не страдаю. Закончим вечер разбитых сердец?

– На кого ты училась? – Демид технично переводит стрелки.

– Я коррекционный педагог.

– Почему?

– Ну, кто-то же должен этим заниматься.

– Отдаешь на тысячу, а дивидендов получаешь на рубль?

– Да, при хорошем прогнозе примерно так и выходит.

– А есть еще и плохой?

– Да, там вообще на ноль делить нельзя.

– Зачем тогда всё это?

– Вот ты душный, Хромов! Надежда – мой компас земной… – пою я. – Лучше ты ответь: почему ушел в бизнес, хотя изначально был летчиком?

– Деньги, статус, власть, – перечисляет он, загибая пальцы.

– А, классический джентльменский набор! – усмехаюсь я. – А еще, наверное, подсознательное желание стать гордостью отца, наконец-то быть заметным для матери и получить ее одобрение?

– Так, заканчивай свой бесплатный психоанализ.

– Значит, стопроцентное попадание.

– И кто из нас еще душный? – говорит он, ехидно прищуриваясь.

– Хромовы – семья душнил! – пытаюсь пошутить я, но как всегда… Хромов ржет. Открыто так, заразительно, что я тоже прыскаю от смеха.

– Только давай не будем это делать нашим слоганом.

– Зато точно ворвемся в топ неординарных фиктивных семей.
– Несомненно…

Глава 16. Контракт

Аня

События не просто летят – они несутся со скоростью реактивного самолета. Думаю, Хромову зашла бы эта метафора.

Уже на следующий день Демид деловито протягивает мне контракт. Изучаю.

Все предельно строго, сухо, без романтической шелухи. Но главный пункт – «руками без согласия не трогать» – все равно привлекает внимание и как-то странно царапает. Мой внутренний барометр зашкаливает. Я никак не могу понять: приближается разрушительный циклон или это предвестник идеальной погоды в моем новом «доме»? Срок годности этого аттракциона – ровно один год.

– Аня, боишься? – негромко спрашивает Демид. В его голосе проскальзывает искреннее переживание.

– Угу, – кусаю я губу, причем уже до боли. Во мне просыпается маленький испуганный невротик, которого штормит от неопределенности.

Демид подходит вплотную. Присаживается напротив на корточки, заглядывая прямо в глаза. Если это какая-то изощренная мужская манипуляция, то, блин, она работает на все сто. Он осторожно прикасается большим пальцем к моей нижней губе и тянет ее вниз, высвобождая из-под моих же зубов.

– Я не обижу.

Кончики его пальцев невесомо скользят по подбородку, скуле, а затем он мягко ловит мое лицо в объятия своих больших, теплых ладоней. Я смотрю в его глаза, а там царят такие покой и уверенность, что сопротивляться бесполезно. Верю. Безоговорочно верю.

Выдыхаю.

Чуть отстраняюсь, чтобы разорвать это гипнотическое притяжение, и решительно подмахиваю документ то ли с дьяволом, то ли с ангелом. Ладно, буду считать, что со вторым. Руки, признаться, слегка потряхивает, да и саму как будто знобит изнутри.

Демид поднимается и отходит чуть в сторону. Снова сдержан, крайне собран, маска бизнесмена на месте. Ловлю его тяжелый взгляд на себе.

– Ань, всё нормально будет, – говорит он всё так же мягко, с нотками участия и даже заботы.

Внутри меня что-то испуганно сжимается. Это что вообще такое? Моя хроническая недолюбленность отцом и тотальный дефицит адекватного мужского внимания так триггерят? Зигмунд Яковлевич, я вас в своей голове уже до верчения в гробу задёргала, но, похоже, без вашего авторитетного мнения нам тут никак не обойтись. Ну же, доктор, выносите вердикт! Что с пациентом?

Моё подсознание, конечно, прекрасно понимает «ЧТО», но трусливо не дает этой правде вырваться наружу, заталкивая её поглубже в подвал мыслей.

– Я все равно уже подписала, – бурчу я, отводя глаза и отчаянно пряча волнение.

Демид хмурится. Молчит. Я уже порываюсь встать и сбежать из кабинета, но его голос меня останавливает:

– Ань. Постой. Возможно, я сейчас играю против самого себя, но ты должна знать, – он замолкает, явно взвешивая в голове все «за» и «против», но в итоге тоже решает довериться. – Если что-то пойдет не так, я не пойду с этим договором в суд. Не буду требовать от тебя выполнения обязательств, выплаты неустойки или компенсации морального вреда, – он даже

слегка улыбается одними уголками губ, но тут же берет себя в руки и становится предельно серьезным. – Ань, я прошу лишь об одном.

– О чем?

– Если что-то изменится в твоей жизни или в твоем отношении к этой сделке – сообщи мне честно. Мы найдем решение. Вместе.

– Например? Что может измениться?

– Ты можешь влюбиться в другого. Можешь захотеть большего со мной. Или тебе просто до чертиков захочется уйти. Не таись, не ври. Скажешь честно, и мы во всем разберемся. Ничего не случится против твоей воли. Но и мои границы в рамках этого контракта ты знаешь.

Я замираю. Да, я их знаю. И этих ред-флагов на моем новом минном поле ровно четыре.

Первое – никому, никогда не рассказывать о существовании контракта. Практически первое и второе правило Бойцовского клуба! Интересно, а мы с Хромовым будем биться? Поводов вроде нет, но чутьё подсказывает: мы их обязательно найдем. Не верю я в наше мирное сосуществование, слишком уж мы из разных миров. Хотя…

Второе – никаких публичных сцен и выяснений отношений. Ну, попытка не пытка. Хотя с моей стороны это задачка со звездочкой. Я ведь то еще стихийное бедствие: то бутылками в машины пуляю, то качаю права, вообще не разобравшись в ситуации. Но у нас, конечно, всё получится, ага?

Третье – полный игнор матери Демида. Тю, да это проще простого! Я её уже практически успешно игнорирую, просто потому что в глаза не видела.

Четвертое – тотальное табу на мужчин. Никакого общения с противоположным полом: ни приятельского, ни дружеского, ни тем более интимного. Исключение – коллеги, да и то через третьих лиц (через самого Хромова или девчонок из волонтерского центра). Сложно, но выполнимо. В конце концов, у нас со всеми активистами-мужчинами и так в основном Стася коммуницирует.

Демид не спешит забирать бумаги. Вместо этого он делает шаг ко мне, сокращая расстояние до минимума.

Осторожно берет меня за руку, поднимая меня из кресла и увлекая чуть ближе к себе. Его ладонь теплая, сухая, надежная. Моя ладошка буквально утопает, прячется в ней.

– Всё нормально, Ань.

Он заглядывает мне в глаза и, видимо, обнаружив там вполне удовлетворительную картину, кивает:

– Обещаю, теперь вы под моей защитой.

Говорит уверенно, и в его голосе нет ни капли жесткого бизнесмена. Скорее – мужчины, который искренне хочет уберечь свою женщину от всего мира.

Закатай губу, Анька!

Это просто слуховые галлюцинации и разыгравшееся воображение.

Брак – фиктивный, муж – фиктивный, отношения – бутафория…

Ну что, шалость началась?!

Глава 17. Подготовка

Аня

Пока Демид умотал подписывать свои бесконечные реальные контракты, а не нашу с ним филькину грамоту, у меня образуются целых два дня относительной тишины. Самое время, чтобы свыкнуться и хоть как-то переварить этот сюр.

Спасает работа – моих ребят и занятия никто не отменял. Так что тут без изменений.

Демид настоял лишь на одном: никакого общественного транспорта для госпожи Хромовой. Либо я вожу сама, либо езжу с водителем.

Это условие я приняла с кайфом. Пока со мной возится Алексей, но в перспективе я планирую пересесть за руль сама. Правда, это вопрос не двух дней – надо сначала наработать навык и перестать путать педали.

Сегодня пятница. По расписанию с утра Серёга, потом Мирон, Женя и Коля с Надей. Но это позже. Сначала – Ириска и операция «эвакуация в садик».

В скромном белом платье, усыпанном ярко-алыми клубничками (нашитыми так искусно, что ягоды кажутся настоящими), Ириска успешно доставляется на место и сдаётся с рук на руки Валентине Ивановне.

– Ирина, что за красота? В самый разгар сезона! Птицы же утащат такую сладкую ягодку! – всплескивает руками воспитательница.

– Я буду сопротивляться! – грозно верещит Иришка, уворачиваясь от щекотки.

– В этом мы как раз не сомневаемся. Натура воинственная, за себя постоишь, – улыбается Валентина Ивановна.

– А Аня у нас невеста! – внезапно сдаёт меня с потрохами эта мелкая партизанка.

Глаза воспитательницы мгновенно округляются, а брови взлетают вверх точь-в-точь как у Хромова. Ну чисто родственники!

– Анечка, поздравляю! Неужели нашёлся прекрасный принц? Надеюсь, с целым царством или хотя бы хоромами. После пожара это было бы для вас так актуально...

– Угу, – мычу я, мысленно соглашаясь, что «хоромы» у Хромова действительно знатные.

Развивать тему принцев и жилплощади я не стала. Лишь сдержанно кивнула, спешно попрощалась и сделала тактический подрыв к выходу. Иришка уже вошла в раж и все равно меня сдаст со всеми паролями и явками.

По привычке я приготовилась бежать марафон, но с личным водителем логистика внезапно превратилась в кайф. На третьей «перебежке» меня окончательно отпустило. Господи, к хорошему привыкаешь за секунду! До часа дня я полностью растворилась в уроках.

Дальше по плану – Волонтёрский центр, а к трём часам мне кровь из носу нужно вернуться в поместье, чтобы отбиваться от свадебных организаторов. Но теперь я везде успеваю, ведь у крыльца меня верно преданно ждёт Алексей на Хромовской карете.

В Центр я вползла уставшая до невозможности.

Надя, моя финальная на сегодня подопечная, решила устроить бунт на корабле и дурила по любому поводу. Тактикой протеста она выбрала уход в подполье – то есть под стол. Но со мной эти номера не проходят. Куда она – туда и я. В итоге добрую половину занятия мы провели на карачках под столом, методично щёлкая карточки. Ещё часть времени мы штурмовали «науку» лёжа на ковре, и лишь на ловлю магнитных рыбок снизошли до цивилизованного сидения на стульях.

Зато результаты – чистый восторг! Надюха теперь строит фразу из трёх слов по образцу, почти довела навык до автоматизма. Просьбу поставили, обращение по имени закрепили. Ползём вперёд, Надюха, скоро ты у меня станешь «царем горы» или «царицей»!

С девчонками мы пьём чай у меня в кабинете.

Когда я вываливаю на них новости, Стася и Ольга Викторовна синхронно роняют челюсти. Шоковая терапия в действии.

– Аня, ты здорова? Какая свадьба? С кем, с Хромовым?! Моргни, если ты в заложниках, – первой обретает дар речи Стася.

– Нет ничего такого.

– Да вы знакомы от силы три дня! – наконец отмирает Ольга Викторовна.

– Всё или ничего. Я выбрала всё.

– Дичь несусветная! – Стася всплескивает руками. – Колись, ты продалась в рабство за новое помещение для Центра?

Прямолинейность Стаси иногда пугает. И сейчас она бьёт опасно близко к цели. Я и сама задаю себе этот грёбаный вопрос по кругу. Из-за чего я в это ввязалась? Из благодарности за спасение Центра? За то, что Хромов закрыл наш с Иришкой жилищный вопрос и тем самым показал жирный кукиш опеке? Или из благородного желания ему помочь?

Трижды «нет». Тогда почему? Настоящий ответ крутится на языке, но признаться в нём сложно даже самой себе.

– Ну какое рабство? – отмахиваюсь я. – Всё исключительно добровольно.

– Угу. Сокол и Сеня знатно прифигеют. Им-то хоть сказать можно?

– Нужно. Вы, между прочим, вообще единственные VIP-гости с моей стороны. Пригласительные завтра с утра курьер привезёт, мы катастрофически горим по срокам.

– Ань, если бы вы встречались сто лет, я бы подумала, что вы пересекли двойную сплошную на тесте на беременность. Но сейчас-то куда гнать? – хмурится Ольга Викторовна.

– Я не беременна. И никто никого не гонит. Демид позвал – я согласилась.

Ольга Викторовна задумчиво крутит в руках кружку и, набравшись смелости, выдаёт свой коронный выстрел в упор:

– Ань, ты что, влюбилась?

– Да! – выпаливаю я, искренне пытаясь правдоподобно соврать. Но тут же прислушиваюсь к внутреннему эху и каменею. Чёрт. А ведь я не вру.

– О-о-ой… – синхронно выдыхают новоиспечённые подружки невесты.

Вот вам и «ой». Я и сама слегка обалдеваю от правды, которая наконец-то обретает чёткий голос и бесцеремонно рушится мне на голову. Влюбиться в фиктивного мужа, да ещё и безответно – план, надёжный! Поздравляю!

– Ну, по твоему витающему в космосе взгляду это и так понятно. Но ты уверена? – не сдаётся Стася.

– Да, – выдыхаю я, судорожно соображая: какой-никакой у меня сейчас взгляд? А Демиду это тоже видно?

Впрочем, окончательно загнаться по этому поводу мне не даёт звонок от свадебного организатора. Приходится допивать чай на ходу, экстренно сворачивать посиделки и мчать в особняк Хромова – отбиваться от устроителей нашего псевдоторжества. Благо Ириску обещал забрать из садика сам Хромов по приезду.

Что касается свадьбы, то Демид скинул профессионалам глобальный райдер, а мне на растерзание оставил «увлекательные мелочи» и личные хотелки.

Хотелок у меня вагон, но озвучить их на совете директоров по декору я не решаюсь. Слишком велик риск лёгким движением руки превратить элитную свадьбу в травянисто-белых тонах, утопающую в живых цветах и хрустале, в сельские посиделки.

В итоге я со скрипом всё согласовываю, а в любой непонятной ситуации просто киваю со сложным лицом знатока. Главное – не облажаться перед Хромовым и удержать маску леди.

Слава богу, знакомить Хромова со своими родственниками не придётся – за полным отсутствием таковых. Единственное исключение – бабуля. Но она у нас женщина слишком бойкая, прозорливая и видит людей насквозь. Ей эту новостную бомбу лучше сбросить уже по факту. Сильно позже.

Сам Демид знакомить меня с матерью тоже не спешит. Отрезал хладнокровно: «Чтобы ничего не сорвалось. Да и вообще, она последний человек на планете, кому я бы хотел сообщать хоть какие-то новости». Высокие отношения, что сказать. С отцом обещал свести, но строго после свадьбы:

– Ань, это важный шаг, всё должно пройти идеально. Но сделаем это, когда он будет готов нас принять, а ты – безупречно отыграть свою роль. Время подтянуть актёрское мастерство ещё есть.

В нашей двухдневной «разлуке» мы не созваниваемся, но от Демида внезапно прилетают сообщения. Тёплые, почти домашние – я стараюсь отвечать в тон, из последних сил удерживая маску лёгкого пофигизма.

«Как вы там? Ириска уже устроила стирку в бассейне? Или Ад и Сифа закатили пати в кровати?»

Кстати, Сифой мою кошку Василису Демид нарёк лично. Сразу после того, как кошачье ОПГ в лице грозного пса Ади и кобылы-Васьки притащило ему под утро на подушку полудохлую мышь. Прямо к лицу положили, мол: «Ешь, хозяин, делимся добычей». Хромов щедрость оценил, но имя кошке сменил на более подходящее её криминальному таланту.

Анютка: «Ириска бассейн пока обходит стороной. Сифилиса, видимо, ждёт законного хозяина, чтобы преподнести новый дар. Ади ведёт себя прилично».

Демид: «Молодцы! Ты как? Как подготовка?»

Анютка: «Бодрюсь. Подсвечники, форма букетов и свадебное меню мне уже снятся».

Демид: «Крепись, малыш. Всего-то одно платье осталось, а потом можно будет выдохнуть».

Малыш. Меня знатно приложило током от этого экрана. Он пишет это просто так, ради роли, или... Ладно, стоп, Аня, закатай раскатанную губу обратно.

Завтра – тот самый «большой день». Не будем раскачивать свое эмоциональное состояние, которое и так закручивается внутренним смерчем.

Наши парадно-выходные доспехи уже готовы и сиротливо ждут своего часа в спальнях. Праздник планируется «скромным» и закрытым – прямо в саду поместья, всего на сотню гостей. Абсолютный светский минимум, иначе тусовка изойдёт на желчь. Плюс пресса, плюс персонал... В общей сложности над пиаром нашего фарса сейчас корячатся человек тридцать.

Ух. Мне бы эти бюджеты да на мирные цели! Например, купить Костику новую коляску взамен сломанной, чтобы пацан в свои четырнадцать наконец-то вышел в офлайн к замаячившей на горизонте девчонке, а не куковал в соцсетях, пока у соццентра на балансе традиционное зеро.

Но вишенка на этом фальшивом торте – наше грядущее «свадебное путешествие». Летать Демид пока не может, поэтому курс взят на озера – туда, куда можно добраться на машине или скоростном поезде. И всего на три грёбаных дня.

Нормальный человек прыгал бы от счастья. Отпуска у меня не было отродясь, мой максимум – поза «кверху задом, а не фасадом» на грядках у бабы Яры (официально Ярославы, но мы любя зовём её Бабой-ягой). А тут – озера, уют и лакшери-отдых с мужем. Пусть и фиктивным.

Но вместо восторга у меня глухой шок. За Ириской присмотрят Стася и Сокол, за живностью – персонал Хромова. А за моими подопечными кто?! Три дня отсутствия – это два-

дцать сорванных занятий. Родители, конечно, всё поймут. Но некоторые ребята на такой сбой в графике выдают жёсткий стресс. Остаётся только молиться, чтобы пронесло.

Впрочем, я и сама из таких же. Меня изнутри натурально корёжит прямо сейчас. Привет синдрому отличницы, встроенной гиперответственности и стае невытравливаемых тараканов.

Приходится признать: жить здесь и сейчас я не умею. Можно годами сладко мечтать увидеть мир. Но когда этот мир бесцеремонно пинает дверь с ноги, хочется просто отменить контракт, завернуться в одеялко и прикинуться ветошью.

За окном слышу шум подъехавшего автомобиля. Демид вернулся. Надеюсь он не забыл про Ириску…

Глава 18. Двуликий

Аня

Демид приезжает вместе с Ириской. Выхожу их встречать и позорно ловлю себя на глупой, неосознанной улыбке.

Похоже, я умудрилась по нему соскучиться. Или это так странно действует сброшенный с плеч синдром самозванца? Без хозяина этого огромного дома я чувствую себя здесь воровкой на доверии, которая вечно задаётся вопросом: «Какого чёрта я изображаю хозяйку, если не имею права даже на статус гостьи?».

Ириска вот с моим зверинцем вообще не заморачиваются – ведут себя как оседлые жители этого поместья по праву рождения.

Демид улыбается мне в ответ. Кажется, вполне искренне.

Навстречу ему выдвигаюсь не только я, но и Сифилиса с Ади – в этот раз, слава богу, без дохлых даров, но с явной любовью в кошачьих и собачьих сердцах.

Ириска с живностью с визгом убегает в дом, а мы с Хромовым замираем друг напротив друга.

Он сокращает расстояние, но держит дистанцию. Смотрит, оценивает. И я оцениваю его.

Безумно хорош. Такое ощущение, будто вижу его впервые в жизни.

Он выше меня почти на две головы, и рядом с ним я кажусь совсем Дюймовочкой. Широкие плечи, мощная фигура профессионального атлета – и этот каркас почему-то упакован в элегантную белую рубашку и серые брюки. Кажется, он целиком отлит из стали. Мускулистые руки густо увиты рельефными венами. Лицо далеко не каноничного Аполлона, но от него буквально штормит брутальностью и чистой мужской силой. Густые тёмные брови, выразительные глаза, чувственные, но жёстко очерченные губы. И эти непослушные тёмные волосы, в которые нестерпимо хочется запустить пальцы, чтобы проверить их на жёсткость.

Как себя вести? Кто мы вообще друг другу в эту секунду?

Его взгляд медленно скользит от моих глаз к губам и обратно.

У меня ни сил, ни решимости сделать шаг в какую-либо сторону нет. Совсем.

Демид всё понимает и решает за обоих.

– Привет, – говорит он чуть хрипло.

И будто невзначай проходится раскрытой ладонью по моей руке – от плеча к кончикам пальцев. Кожу мгновенно прошивает табун диких мурашек. Чуть сжав мои пальцы, он притягивает меня к себе и невесомо касается губами щеки.

Этот поцелуй лёгкий, но он вообще не похож на формальный протокольный жест. Меня дёргает, как от удара током, но Демид не даёт отстраниться. Он накрывает мою щеку тёплой, огромной и какой-то пугающе надёжной ладонью. И я ломаюсь: неосознанно растворяюсь в этом моменте, прикрываю глаза и сама льну к его руке. Он едва заметно поглаживает мою кожу большим пальцем.

– Красивая у меня невеста, – тихо роняет он. – Не мог не прикоснуться. Простишь за то, что без спроса?

В моменте я не понимаю, о чём он вообще говорит. Распахиваю глаза. В его взгляде пляшут смешинки и какое-то запредельное тепло, в моих – подозреваю, плещется первобытная паника.

Он медленно опускает руку, но ироничная улыбка так и не сходит с его губ.

Демид сокращает расстояние до такого минимума, что его прохладное и одновременно обжигающее дыхание щекочет мои губы.

– Аня, дышать не забывай. Я тоже рад тебя видеть.

И тут я догоняю, что стою с приоткрытым ртом и правда не дышу. Полный ступор.

– Надо спасать положение, – тихо роняет Хромов, и я не успеваю сообразить, что он задумал, как он накрывает мои губы поцелуем. Нежным, почти невинным. – Дыхание рот в рот, Ань, – пытается юморить Хромов, не отстраняясь.

Но я уже под полным гипнозом.

Его присутствие, слова, действия, аромат, вкус – всё это разом бьёт по сознанию и моим рецепторам. И я отвечаю. Просто потому, что это запредельно вкусно и стопроцентно моё. Чувствуя мой ответ, Демид углубляет поцелуй.

Наши ладони уже сами исследуют лица друг друга.

Дыхание сбивается к чёртовой матери, но прерываться ради глотка воздуха не хочется вообще.

Демид с какой-то голодной жадностью изучает мой рот. Ему тоже нравится, я чувствую это по тому, как он едва заметно улыбается мне в губы. И я улыбаюсь в ответ.

Страсть топит логику. Мы тихо постанываем, и это кажется какой-то особой, высшей формой секса.

Пульсация прошивает тело, сладость концентрируется в каждой точке.

Демид нехотя разрывает это безумие. Впивается потемневшим взглядом в мои припухшие губы, а я гипнотизирую его чуть поплывшим взглядом.

Его хриплый, низкий голос ласкает слух и отзывается внизу живота волной сладких, тянущих спазмов:

– Анька, репетиция первого поцелуя молодожёнов прошла успешно? – пытается шутить он.

Что? Репетиция? Так это всё просто игра для него?!

Но Демид не даёт запуститься моему внутреннему генератору бреда. Он снова уверенно врывается в мой рот, шепча прямо в губы:

– Ань, я пошутил. Не оторваться. Ты оху*нно вкусная.

– М-гу, – это всё, на что хватает моего отключившегося сознания.

– И да, я передумал. Больше никаких разрешений на прикосновения спрашивать не буду. Все поцелуи – мои.

Я даже возразить ничего не могу. Мозг работает исключительно на приём входящих сигналов, а тело натурально бомбит. Я никогда в жизни не испытывала ничего подобного.

Между ног становится влажно, сердце не просто стучит в груди – оно оглушительно вибрирует в ушах, опаляет щёки румянцем и намертво закручивает тугую пружину внизу живота. А когда Демид буквально вдавливает меня в себя, я отчётливо понимаю и масштабы его личного желания. И это просто – вау.

Что мне делать с этим знанием и с такой легкостью стёртыми границами между нами?

– Ань, хочу тебя, – выдавливает Хромов напрочь севшими связками.

Из этого сладкого помутнения нас бесцеремонно вырывает оглушительный вопль Ириски из окна:

– Ань! Тут тётка какая-то на твой телефон звонит! И ругается теми самыми словами, которые говорить нельзя! Можно я её в жопу пошлю?

– Нет! – выкрикиваю я, резко отстраняясь от Демида.

Нашему сладкому помутнению приходит мгновенный конец. В сознание со свистом врывается отрезвляющая реальность. Не тратя времени на анализ, я просто сбегаю в дом – к Ириске и телефону, из динамика которого и правда истошно орёт какая-то женщина.

Меня тут же накрывает волна паники.

Может, это мать кого-то из подопечных? Хотя обычно такие дикие, неадекватные особы сбегают после первого же занятия. С нами остаются только думающие родители. Те, кто не

верит в чудодейственные таблетки и мгновенное исцеление, а знает: результат дают лишь рутинные, каждодневные тренировки. Принцип «от простого к сложному» и маленькие шаги – единственное, что работает в реабилитации особых детей.

Слушать этот обличающий монолог невидимой истерички у меня нет никаких сил, и я резко обрубаю:

– Кто вы? Представьтесь! И чётко объясните, в чём ваша проблема.

Абонент на секунду впадает в ступор от такого отпора.

– Эм... Вы Анна? – уже чуть более сдержанно доносится из трубки.

– Да.

– Отъ*битесь, Анна, от моего сына! – сочным ядом брызжет голос.

Перевожу взгляд на Демида, который уже стоит напротив меня в коридоре, и судорожно вспоминаю наш недавний уговор. Мне велено игнорировать его мать. Как поступить прямо сейчас? Просто нажать отбой или позволить ему самому разрулить этот трэш? Выбираю второе и протягиваю ему мобильный:

– Это твоя матушка. Поговоришь?

Демид молча берёт телефон и хладнокровно нажимает на кнопку сброса.

В комнате повисает оглушительная, звенящая тишина.

Раз. Два. Три...

Он медленно кладёт мой телефон на столик у входа. А затем поднимает на меня глаза.

Ни следа не остаётся от того страстного, тёплого Демида, который был со мной секунду назад. Его лицо искажает гримаса глухого недовольства и брезгливости. Он только хмыкает и тихо ругается сквозь зубы. Очень надеюсь, что этот посыл адресован не мне. Не мне же?

От Хромова сейчас буквально фонит чистой, концентрированной ненавистью и агрессией.

Он резко разворачивается и уходит в кабинет, хлопнув дверью с такой силой, что мне на секунду кажется – особняк сложится как карточный домик. А я в тот же миг буду погребена под его обломками.

Больно…

Глава 19. Читать между строк

Аня

Стою посреди коридора, словно облитая ледяной водой. А мне что делать?

Маятник настроения Хромова, а вслед за ним и моего состояния, с оглушительным скрежетом пробивает дно и летит в глубокий минус.

Как выживать в таких арктических температурах, да ещё и в чужом доме – я не имею ни малейшего понятия.

Хуже всего то, что я не знаю Демида в таком состоянии.

На что он способен в гневе? Как это отразится на мне и Иринке?

Внутри противно разрастается липкий, до боли знакомый страх. Точно такой же парализующий ужас я испытывала, когда встречалась с Трайковским.

Меньше всего на свете я ожидала увидеть эту первобытную ярость в глазах Демида. Я не готова к ней.

Мозг панически строит защитные стены, тело выстраивает баррикады, виски начинает сдавливать обручем боли, а пальцы предательски дрожат.

Заставляю себя не думать о звонке, его матери, самом Хромове.

На ватных ногах плетусь на кухню, на ходу применяя дыхательные техники. Дышу по квадрату. Вдох, задержка, выдох... Считаю...

Пью тёплую воду мелкими глотками.

До своей комнаты я просто не дойду, поэтому умываюсь прямо здесь, в кухонной раковине.

Трясёт знатно, но внешне я уже умудряюсь собраться.

Становится чуть легче.

На кухню заходит Светлана, наш повар. Женщина лет шестидесяти – добрая, хозяйственная, всегда идеально держащая дистанцию. Хотя даже у неё сейчас при взгляде на меня расширяются от испуга глаза.

– Анна Сергеевна, я могу чем-то помочь? – спрашивает она, и в её голосе слышится искреннее беспокойство.

– Нет, благодарю, – мой голос всё ещё слегка подрагивает, но я справляюсь.

Запихиваю свои страхи поглубже в подсознание.

Прошу Светлану накрыть ужин на три персоны. Хромов из своего бункера может и не выйти, но Ириску кормить надо. У меня от стресса аппетит испарился, после воды я вообще ничего, наверное, в рот взять не смогу.

Повар молча кивает и без лишних вопросов принимается за работу.

Я на негнущихся ногах иду к себе. *А точно к себе? Заигралась ты, Аня. Очень сильно заигралась...*

Демид к ужину так и не выходит.

Мне кровь из носу нужно обсудить завтрашний день. Свадьба хоть и фиктивная, но на публике мы обязаны сработать как идеальная команда. Вот только после его вечернего выпада подходить к нему банально страшно.

Ничего не могу с собой поделать. Если снова увижу этот ледяной, сочащийся ядом взгляд – плюну на всё и улечу отсюда так, что только пятки засверкают.

На крайний случай план «Б» готов (и, кстати, однажды он уже сработал): Стася хватает Ириску, наш домашний зоопарк и увозит их к бабуле в деревню на ПМЖ, а я растворяюсь в тумане. Простите, дорогие ученики и их родители, второй раз я такое не вывезу.

Ириска моё волнение списывает на обычный «невестин мандраж». Оспаривать эту версию я не пытаюсь.

Она тихонько возится в комнате со своими няньками в виде котапёса, пока я не загоняю её в душ, а после – в пижаму и под одеяло. Завтра для мелкой тоже сложный день.

– Аня, а ты меня потом бабуле сдашь?

– С чего вдруг? – я даже опешиваю.

– Ну, Машка в садике говорит, что когда женятся, лишние дети никому не нужны. Их куда-то отправляют.

– Глупости. Никто и никогда тебя не отдаст. Ты всегда будешь со мной, – выпаливаю я.

И тут же мысленно даю себе подзатыльник.

Сама ведь только что планировала побег!

Ну всё, Анька, обещание выдано, обратного пути нет. К бабуле Ириску теперь нельзя, а скрываться вдвоём – тот ещё квест. Придётся терпеть.

Может, Хромов окажется не таким мудаком, как Трайковский?

Пожалуйста! С меня на одну жизнь и одного подонка хватит.

Мы шепчемся ещё о чём-то девичьем. Я рассуждаю, какой красивой невестой Ириска станет в будущем, и жду, пока её дыхание выровняется. Заснула.

Скользнув в коридор, я мажу взглядом по дверям кабинета. Похоже, Хромов там забаррикадировался. Трусливо сбегаю к себе.

В спальне меня ждёт свадебное платье. Пора настраиваться на завтрашний фарс.

Платье, чёрт возьми, безумно красивое. Очень тонкая работа. Никакой вычурности – ни юбки из комариной сетки, ни тонны страз, ни пошлых кружев или кричащего декольте. Выбирай я сама, купила бы точь-в-точь такое.

Белоснежный атлас, строгий силуэт, лаконично открытые плечи. Юбка пышная, но без фанатизма. А фата – просто произведение искусства.

Но главный мой кошмар на завтра – туфли.

Чтобы дотянуться до этого великана, мне придётся как-то вышагивать «от бедра» на двенадцатисантиметровых шпильках. Откуда только взять эту лёгкую походку?

Может, Золушке стоит сразу забить на хрустальные копытца и отказаться от затеи?.. Всё равно принцесса фиктивная и настоящей, видимо, не станет.

Смыв в душе дневной стресс, прыгаю в пижаму и ныряю под одеяло. Сна, естественно, ни в одном глазу. Мысли роятся в голове хаотичной толпой, не додумываясь до конца.

Вдруг в коридоре раздаются шаги. Сердце ускоряется и на мгновение глушит. Лёгкий стук. Интуиция мгновенно подсказывает: Демид. Нервно сглатываю.

Дверь приоткрывается. Я судорожно притворяюсь спящей.

Потоптавшись секунду на пороге, он всё же заходит.

Замирает перед платьем.

Мне отлично видно его со спины, маскировка «я сплю» работает идеально. Хромов уже сменил костюм на домашние брюки и футболку.

Резко развернувшись, он подходит к кровати, придвигает кресло и садится вплотную. От его голоса веет напускным холодом. Слова должны метко бить и врезаться в сознание ледяными осколками, но по его чуть нервному тембру и сбивающемуся дыханию я понимаю: лжёт.

– Ань, завтра всё в силе. Все пункты контракта – тоже. Больше не прикоснусь… – он делает паузу и чуть слышно выдыхает: – …без твоего согласия.

Снова молчание. У меня дыхание перехватывает, изо всех сил стараюсь не выдать крупную дрожь. Дышу через раз. Тишина…

Наконец он отмирает и покаянно произносит каждое слово:

– Думал, ты с матерью заодно, поэтому она тебе звонит. Уже навёл справки. Ты ни при чём… – опять пауза. Мне до безумия хочется стряхнуть с себя его слова, но я контролирую тело и стараюсь лежать неподвижно. – Прости, Ань…

Он устало зарывается лицом в ладони, локтями упёршись в колени. На меня не смотрит. И уже тише, спокойнее продолжает:

– Завтра ты станешь моей женой. На публике – абсолютно счастливой, как и я – мужем. Я защищу вас с Ириной от любых проблем.

Замолкает. Нервно выдыхает. Слова даются ему с трудом. Я физически чувствую, как его самого корёжит от сказанного. Но он переламывает себя и глухо чеканит:

– Но запомни: никогда мне не лги и не вздумай играть против меня. А теперь спи.

Поднимается, отходит к окну и зависает, глядя в темноту сада. Думала – уйдёт, но он явно аккумулирует силы. Хромов на взводе, а меня от этой картины окончательно штормит. Сердце стучит в ушах как сумасшедшее.

Его следующая фраза кажется должна разом сжечь все мосты и поставит жирный крест на любом романтичном «а вдруг»… Хоть и произносит он её так, что я отказываюсь верить. Что это – мои больные фантазии и вера в сказки, или он и правда сейчас намеренно делает шаг назад?

Главный вопрос – почему?

– Аня, наша встреча сегодня на пороге… это несбыточная мечта. Так не будет. Забудь. И прости.

Он спешно выходит, оставив дверь приоткрытой. Из коридора доносится его едва слышное, надрывное:

– Прости, малышка…

Глухой удар ладонью в стену.

Тишина…

Удаляющиеся шаги...

А я лежу в темноте, тщетно пытаясь справиться со сбитым дыханием и паникой, пока по щекам без остановки катятся слёзы.

Легко играть любовь на публику, когда между вами ничего нет. Но как, чёрт возьми, сыграть её завтра, если я уже влюбилась?

Без взаимности?

Но что-то мне подсказывает – всё не так просто…

Глава 20. Триггеры

Демид

Аня – мой личный триггер. Персональное напоминание, что от таких огненных дам нужно держаться подальше. И она же безумно манит. Заставляет на подсознательном уровне желать её, присвоить, подчинить и удерживать рядом.

Больной убл*док? Несомненно.

Моя холодная мать была ещё той лисой. Её рыжие локоны всегда ассоциировались у меня с ложью, манипуляциями и несбывшимися надеждами на её любовь.

Всю жизнь я избегал таких женщин, хотя они капец как меня влекли. Держался на расстоянии, боясь самого себя. Но Аня ворвалась в мою жизнь. Пробила одномоментно по всем болевым точкам, не оставив выбора.

После нашей первой встречи с ней и того грёбаного дня рождения Артура я в тот же вечер позвонил Габе и назначил срочную встречу. Я понимал, что мне нужно сделать, что правильно сделать, но впервые не хотел до мышечных спазмов так поступать с собой и своим персональным магнитом.

Аня…

Забавно было тащиться к психоаналитику в полночь. Свидание для тех, кому за тридцать пять. Романтика, бл*…

Габа – мой приятель и практикующий психолог. Он помогает мне перепрошить мозг после авиакатастрофы, да и про этот бзик на женщин типа моей матери тоже в курсе.

Обычно я заталкиваю эту тему поглубже, но сегодня она пробивается наружу, лупит по всем красным флагам. И по Ане невольно уже пару раз прилетело.

Мать была социально раскрепощённой дамой и никогда не упускала выгоды. Отец для неё – ступенька, я – подмостки, другие мужики – трамплины.

В памяти всплывает наш диалог в кабинете Габы:

– Чем именно они похожи?

– Цвет волос, рост, хрупкость.

– Попробуй сконцентрироваться на том, чем они разнятся. Начни с тактильности: её запах, кожа в момент касаний, тембр голоса. То, что ты можешь физически ощущать. Направь внимание на отличия.

– Уже пробую.

– Если начнёт триггерить – не паникуй. Остановись. Зафиксируй ощущения, потом обсудим.

– Пока на ощущения не триггерило, наоборот, всё ох*енно заходит. Но это как-то мерзко по отношению к Ане.

– Почему? Ты сомневаешься?

– Она заслуживает настоящего, а не моего препарирования и постоянного сравнения с матерью.

– Почему она этого заслуживает?

– У неё уже был опыт болезненных отношений с придурком. А тут ещё я со своими за*бами.

– У всех есть за*бы, это я тебе как мозгоправ говорю.

– Даже у тебя?

– У меня супервизия каждую неделю. Как думаешь?

– Все мы больные убл*дки! – шучу я. Но в этой шутке лишь доля шутки.

После встречи с Габой всё же решаю идти дальше. И играть по-честному. Или не играть. Просто по-честному…

Обещал Ане решить вопрос с помещением. Она выполнила свою часть договора на ура – всё моё окружение засыпало меня вопросами о новой пассии. Все поверили в наш спектакль.

Не люблю быть должным, поэтому с утра закрываю вопрос с собственностью на помещение и еду к ней в Центр. А там – такая феерия! И меня опять триггерит.

Мать обожала скандалы, её истеричный голос до сих пор звенит в ушах. Но Анна не истерит. Она пылит, конечно, выговаривает мне менторским, учительским тоном, и её сочный сарказм вперемешку с юмором мне капец как заходит!

Она напылила – я решил. Обещал, что сделаю, и сделал.

Звоню Габе.

Сам в моменте справляюсь, но меня кроет, боюсь сорваться. Он выкраивает время на кофе, и мы встречаемся в ближайшем кафе. Это уже не сеанс, скорее формат дружеской беседы:

– Как ощущения? Касался её? Что чувствовал?

– Дрожь.

– Чью?

– И её, и свою.

– Возбуждение?

– Нет, не то. Не так.

– Это может быть непроработанный страх. Говоришь, у девочки были болезненные отношения?

– Да.

– Дрожь где ощущал? Когда и к чему прикасался?

– Ноги. Я ей туфли снимал. У неё очень красивые ступни. Она дрожала и пыталась это скрыть: поджимала пальчики, стопы вмиг стали прохладными, она отстранилась... Я думал, это просто стеснение.

– Может быть, от банальной щекотки до травмы. Фут-фетишизм…

– Это что за херня?

– Когда мужика возбуждают стопы. Сексуальный акцент на ступнях, ножках. Человек от этого заводится, иногда только от этого и может кончить. При крайних проявлениях стандартный интим вообще не привлекает, а вот касания к ногам пальцами, ртом, языком – очень даже.

– Фу, бля.

– Можешь узнать о её бывшем? Вдруг я о нём наслышан.

– Но тебе же нельзя. Профессиональная тайна.

– Но у меня-то такого клиента нет и никогда не было.

– Влад Трайковский.

– Не знаю. Фото есть?

Достаю телефон, нахожу в сети старые снимки со страницы Альбины – они когда-то тусовались в одной компании. Протягиваю Габе. Тот приближает экран, внимательно изучает лицо, взгляд, руки. Листает, листает фото… Не знаю, что он там видит, но вердикт выносит чёткий:

– Классический случай. Не касайся её ног. Никакого массажа. Если она оттолкнёт тебя, твой путь к ней станет в десятки раз длиннее.

– Капец… – только и выдыхаю я. Ведь сам чуть дел не натворил.

Габриэль продолжает:

– Оба с заморочками – это плохо. Она терапию проходила?

– Не знаю точно, но вроде да. Упоминала что-то такое.

– А сейчас? Пусть возобновляет. Сами вы не справитесь. Твои триггеры наложатся на её. Поубиваете друг друга.

– Ты же меня знаешь. Я не напылю. Не должен.

– Ты, Дёма, очень в теме, но на эмоциях голова отключается.

– Я услышал.

– Но решение за тобой! – подбадривает Габа. – Как и всегда.

Ху*вый расклад, конечно, но плывём дальше.

Вечером Аня звонит сама. А я, как заправский сталкер, уже отправил за ней машину – как раз в этот момент Алексей отчитывается, что на месте.

Зову её приехать ко мне, чтобы поговорить лично.

На самом деле просто хочу ещё раз на неё взглянуть. Вдруг мне вся эта её дикая притягательность и манкость банально привиделась?

Посмотрю трезвым взглядом – и отпустит. Закрою тему.

Но она с порога даёт ощутить: «Моё!».

Скромная, честная, умная. Я до сих пор под впечатлением от её юмора на грани фола – кусачая, но притягивает как магнит. А весь её внешний образ – сплошной триггер.

Габа прав, надо цепляться за якоря того, чего нет в моей матери, а есть только в Ане...

Пока решаем проблемы с её сгоревшим домом, о себе думать некогда.

Размещаю их у себя, хотя внутренне понимаю: зря я так рьяно закручиваю гайки. Мог бы держать дистанцию, проявить участие со стороны. Но нет, привёз в свой дом. Поставил прямо перед глазами. И теперь меня, как в припадке, трясёт от этой гремучей смеси.

С Габой встречаюсь через день.

Уже успел «напылить» – предложил Аньке контракт на год супружества. Хотя для меня это про «защитить». Точно получу люлей от своего мозгоправа!

Габа от такой новости только присвистывает и хватается за голову:

– Ты что творишь-то?

– Не могу, когда она не рядом, – честно признаюсь я. – Мне важно знать, что у неё всё хорошо. У неё же ещё мелкая сестра. Она одна всё тащит: и волонтёрский центр, и малую, и двух шерстяных – кысь-жрысь у неё по имени Сифилиса и пёс Ади, он же Ад.

– Интересный тебе экземпляр попался! – открыто ржёт Габа.

– Не то слово. Мне крышу сносит, когда она рядом, а как вижу издалека – будто ледяной водой обдаёт. «Мать»!

– Попробуй создать новые визуальные маркеры, – советует Габа. – Не смотри на образ в целом, концентрируйся на деталях. У неё какие глаза?

– Голубые. Прозрачные.

– А у твоей матери зелёные. Вот и смотри Ане прямо в глаза. Сделай это своим новым якорем. Она – не твоя мать. Она – девочка с голубыми глазами! Что с причёской? Если она похожа…

– Нет, не похожа. Анька часто плетёт косы, как девчонка.

– Вау! Рыжая с косами. Ты хоть фото покажи по-братски.

Достаю телефон, ищу снимок.

Аня вполоборота, с двумя слегка растрёпанными длинными косами, в белой майке. Улыбается от уха до уха и бесится с Ириской на диване. Я поймал этот кадр, когда они дурачились в гостиной. Аня просила их запечатлеть такими.

Габриэль снова присвистывает, разглядывая экран:

– Ты влип, парень. Не девочка, а мечта!

– Вот и не могу отпустить.

– И не отпускай, – кивает он. – Дём, они же абсолютно разные. Как ты вообще умудряешься видеть в ней свою мать? Смотри на её губы.

– Я когда на её губы смотрю, вообще обо всём на свете забываю: и про маму, и про папу. Но подсознание вырывается иногда наружу.

– Угу! Тактильность и новые визуальные маркеры – твоё всё. И будет вам счастье! Как оцениваешь? Справляешься?

– Я понимаю, что делаю, это не на эмоциях…

Глава 21. Разговоры с Габой

Демид

Уезжаю на пару дней.

Не хочется оставлять Аню один на один с предсвадебной подготовкой, но там ху*чит целый ворох спецов – от неё требуется лишь кивать и согласовывать детали.

Можно подождать, конечно, но проблем навалилось слишком много, и все сразу.

Мне до зареза нужен этот статус «женатого». Да и хватит лгать самому себе – я хочу привязать Аню к себе намертво. Абьюз? Да как хотите трактуйте, мне плевать! Я же не дебил и отлично чувствую, что она тоже не против. Просто ускорились… на ракете, бл*дь, летим!

Мне надо затормозить надвигающийся пи*дец, и Аня здесь, пусть и невольно, становится моим оружием. Если всё полетит к чертям, она – моя законная супруга и главная наследница. Все остальные идут лесом.

Мать, которая уже вовсю облизывается на лакомый кусок в виде моей компании и акций отца.

Бывшая Альбина со своим папашей Артуром, который до сих пор висит у меня на шее со своими десятью процентами акций, – эти двое вообще смотрят на меня исключительно как на дойную корову.

Отец, который уже окончательно не в себе и скоро сольёт все права матери. Он тяжело болен и при каждой встрече хрипит, что я не дам ему уйти спокойно, раз до сих пор не обзавёлся семьёй и не продолжил род.

Аня – быстрое, идеальное решение. Хотя для неё этот брак тоже мог стать своего рода выходом. Но, узнав её ближе, я понимаю: она нашла бы способ выгрести и сама. Так что наш скоропостижный союз – это исключительно про мои хотелки, мою паранойю, мои триггеры и воспалённое сознание…

Потерпишь меня, девочка, со всеми моими забобонами? Может, и недолго терпеть-то осталось. Херовая шутка, да?

Наша встреча после двух дней разлуки сносит мне крышу. Вижу Аню. Какая мать? Девочка моя!

Блин, а я ведь скучал.

Глаза её светятся – утонул бы.

Веду ладонью по руке, а она аж вибрирует от напряжения. Касаюсь щеки, губ. Мне безумно вкусно. Всё это так правильно заполняет внутренние пустоты. Наполняет меня.

Шучу – она откликается.

Ласкаю, а Аня не просто позволяет, но и робко отвечает мне…

Вдруг Ириска кричит что-то про телефон. Анька срывается с места, а я в полной эйфории иду за ней в дом.

Захожу в холл.

Аня говорит по мобильному. По раздающемуся из трубки тембру мгновенно улавливаю: мать! И меня тут же бомбит.

Аня невозмутимо слушает. Лицо не выдаёт ни одной эмоции, она спокойна, как будто разговаривает со старой знакомой.

Да как так-то? Неужели и ты, Брут?

Гнев мгновенно застилает глаза и уши, бьёт по сознанию.

Они знакомы? Общаются? У матери есть её номер? Через неё она хочет снова подобраться ко мне?

Не позволю!

Забираю телефон из рук Анны, а она тихо произносит: *«…матушка».* Сбрасываю вызов. Кладу трубку на стол и ухожу, едва сдерживая внутреннюю войну.

Аня и подстава? Не хочу верить!

Но меня разрывает от ярости.

Единственное, что могу сделать, чтобы не разнести всё вокруг, – это уйти прочь и со всей дури грохнуть дверью кабинета.

Попытался довериться, называется. Поиграл в терапию!

Набираю службу безопасности. Требую пробить телефон Ани и все её контакты за неделю. Результат – чисто.

Я напылил?

Идиот!

Звоню Габе, а самого крупно трясет. Выплыла «матушка»… Да она не заслуживает такого имени! Максимум – «мать». И она опять всё рушит. Меня рушит! А я, как последний кретин, сам доламываю то, что успел построить вокруг себя.

Габа подключается онлайн. Кратко, на эмоциях обрисовываю ему ситуацию.

– Давай сначала вернём тебя в норму, – спокойно реагирует он. – Ты говоришь, вы были близки. Опиши её кожу и свои ощущения.

– Кожа… Она какая-то нежная, напитанная, прохладная и очень тонкая. Чувствительная капец.

– В чём эта чувствительность выражается?

– Она от любого прикосновения будто звенит мурашками, мягкие волоски сразу дыбом встают. Это космос какой-то. Меня там накрыло по полной.

– Ещё опиши.

– Я кожей чувствую её внутреннюю дрожь. Ловлю пульс на запястьях, и в этот момент в ушах аж закладывает.

– Это чистое возбуждение, Демид, и это отличный знак. А теперь вспомни мать. Её прикосновения.

– Её руки всегда были сухими и ледяными. Беря её за руку, я каждую секунду ждал, что она меня оттолкнёт или отбросит. Даже если этого не происходило, я деревенел от напряжения.

– А с Аней?

– Я напиться ей не могу. Раствориться хочу, слиться в одно целое. И она ведь принимает меня. Любое касание принимает. Мозгами, может, и сопротивляется, но её тело отзывается всегда.

– Дём, это победа!

Я выдыхаю, мне и самому легче оттого, что проговорил это.

Габриэль продолжает:

– Аня – не твоя мать, перестань их отождествлять. Внешность вторична. Прочувствуй эту девушку тактильно, зафиксируй эти ощущения, и ты посмотришь на неё совершенно другими глазами.

– Да я пытался! И у меня, чёрт возьми, получилось. Но потом этот звонок… и голос матери.

– Ладно. Спокойно. Не пыли. Опиши голос Ани.

– Мягкий. Будто она улыбается, когда говорит. Ну или её фирменный тон училки – строгий, чёткий, по делу. Сразу хочется пойти и сделать, что просит. Но не из-за манипуляций, а потому что понимаешь: она чертовски права.

– Ого, как тебя кроет. Хорошо. А теперь вспомни голос матери.

– Визгливый. С вечной претензией, будто ей все кругом должны. От этого голоса хочется сжаться в комок или сбежать на край света, лишь бы не слышать.

– Тебя от голоса триггернуло?

– Ага.

– Ещё тактильно Аню опиши. Её запах.

– Чем она пахнет? Вот ты не поверишь. Клубничным вареньем и молоком. Это такой аромат… Блин, я бы его ложкой ел.

– А как пахла твоя мать?

– Это даже не запах. На уровне ощущений – душно. Мне всегда рядом с ней душно. Это что-то тяжёлое, металлическое…

– Вот и концентрируйся на этом всём в Ане. Аромат, голос, тактильность, глаза, косы – вот твои якоря. И, Демид, ты знатно напылил сейчас.

– Сам понимаю.

– Ты влюбился, парень. Сильно, – вздыхает Габа.

И я точно знаю: он прав.

Меня от первого секса так не вело и не вставляло, как сейчас прошибает. Первая влюблённость в юности просто снесла голову, но сейчас её оторвало напрочь.

Габриэль продолжает:

– Но так нельзя, Демид. Нельзя начинать новое, не зафиналив старое. А твоя первая болезненная, неправильная и невзаимная любовь – это любовь к матери. Вы поубиваете с Аней друг друга. Иди откатывай назад. Возвращай доверие и формат партнёрства. Я считаю, что рано вам в отношения шагать с такими-то тараканами. Ты на матери сорвёшься, а прилетит по Ане. Девочка выстроит чёткую связь: «Демид – опасность и страх». Разматывать потом замаемся.

Габа делает паузу, давая мне впитать его слова, и жёстко резюмирует:

– Ваши отношения пока на уровне: ты – друг и защитник, она – партнёр. И никак иначе. Никаких «любовников». Хотя кому я говорю? Ты там уже совсем другой сценарий написал и начал разыгрывать. Но рекомендую сначала увидеть в ней Аню, а потом уже делать шаги.

– Я не хочу как друг…

– Ясно мне… Но не пыли. Голова должна быть трезвой. Иди винись. А то умотает от тебя – хрен догонишь!

Иду…

Глава 22. Корректирующие мероприятия

Аня

Утро вечера мудренее. И сегодня – новый, важнейший день.

После вчерашнего своеобразного «почти признания» Хромова, сопровождённого ударом в стену и его глухим *«Прости, малышка...»*, заскок моего «фиктивного» почти забыт. Ведь сегодня наша свадьба!

В саду с самого рассвета дикая суматоха: декораторы, кейтеринг, охрана... Суета сует. Уже приехали визажисты и фотографы – собираются создавать, а позже презентовать и запечатлевать жениха и невесту в лучшем виде.

Ну что, отыграем этот день, Хромов?

Демида я вижу только за завтраком.

Смотрю на него, стоя в дверях и думаю, как я могла в него влюбиться? *Анька, не дури, нельзя!* Или это просто форма благодарности от девочки, которая никогда в жизни не видела такой заботы?

А вообще, сколько нужно времени, чтобы влюбиться? И насколько нужно быть с присвистом, чтобы захотеть замуж за того, кого совсем не знаешь?

Я не знаю Демида Хромова.

Но люди живут годами вместе, а потом говорят, что это был не их человек...

А Демид – мой?

Когда мне нужна была помощь с погромом в центре и с тачкой его бывшей. Он ведь не читал нотации, не злился, не остался равнодушным. Он просто всё решил.

Когда сгорел мой дом, он не спрашивал, нужна ли помощь, и не самоустранился – просто привез к себе.

Когда я была голодна и разбита, сам приготовил ужин и накормил.

Разрулил весь этот кошмар с моими шерстяными и ни разу не высказал претензий за то, что Ириска каждый день чудит в его огромном и вылизанном доме. Помыть живность в бассейне – это еще цветочки. Похоронить мышь – ягодки. Но вот пролить чай на ноут Хромова и важные документы – это уже капецный капец. Тогда он не разозлился ни на нее, ни на меня…

Можно подумать, он старался только ради своей выгоды. Загнал меня в «долги» и вынудил выйти за него замуж... Брехня!

Если бы ему был нужен просто фиктивный брак, он мог сподвигнуть любую. И эта любая даже лучше бы сыграла роль, которая уготована мне. Но зачем-то понадобилась именно я…

Стоит мне войти в столовую, где за огромным столом уже восседают хозяин жизни и моя малявка Ириска (которая чувствует себя примерно так же уверенно), как он дёргается. Привстаёт, замирает на секунду, словно решая, как поступить, и снова садится.

Что, Хромов, как на иголках?

Чувство вины за вчерашний жест и эхо захлопнувшейся двери, которое до сих пор стоит в ушах, не дают тебе спокойно прижать попу к стулу?

Но надо отдать должное – Хромов здоровается первым.

Голос слегка севший. Это после сна или психосоматика так бомбит от невысказанных слов?

– Привет, малы... Аня.

О, Малы-Аня! Что там доктор Фрейд говорил про оговорочки? Из тебя, Хромов, прямо так и прет вчерашнее, несказанное мне лично: «Прости, малышка». Ну, хоть Малы-Аня...

– Привет, Демид, – подхожу к Ириске и чмокаю её в лоб. Мелкая увлечённо жуёт блинчик с клубничным вареньем.

– Доброе утро, – лепечет она. – А ты когда наряжаться будешь? Можно я с тобой?

– Можно! – отвечаю я Ире, но в ту же секунду наклоняюсь и целую в лоб офигевшего, буквально застывшего Хромова. И уже ему – тихо, интимно, прямо на ушко: – Разрешение на мои прикосновения контрактом не предусмотрено, так что делаю что хочу... – роняю с напускной невозмутимостью.

На самом деле в эти секунды я чувствую себя канатоходцем на тонкой нити. Один неверный шаг, любая резкая реакция – и я потеряю равновесие и с грохотом полечу вниз. Но Демид молчит. На лице – полное непонимание и чистый шок.

Я тебя обыграю, Хромов!

Легонько касаюсь губами его губ и бросаю как бы невзначай:

– Поженимся сегодня?

– М-гу... – выдаёт он что-то совершенно невнятное.

Что, дыхание спёрло?

А он и правда закашливается.

Протягиваю ему стакан воды, с вызовом смотря прямо в глаза и шепча одними губами: *«От малышки, которая простила».*

Ох уж эти его брови... Опять улетели в космос.

Демид пьёт воду, бросая на меня свои жаркие взгляды-стрелы. А затем роняет – будто про воду, но на самом деле о моём прощении:

– Спасибо, Ань.

Не выдерживаю и игриво подмигиваю ему.

Мужик в полном шоке. Но градус напряжения падает. Мы оба выдыхаем и дальше спокойно наслаждаемся завтраком.

Мне непросто даются этот выпад и утренний театр, и эта сцена под названием «Почти бракованные за завтраком».

Я не люблю напряжение.

Мне проще превратить всё в фарс и прикинуться полешком, чем ходить надутой и накручивать себя. Пусть лучше Демид считает меня легкой дурашкой или полной неадекваткой, чем я всерьез покажу, насколько сильно меня задели его залитые гневом глаза.

Нет, Хромов, я не забыла твой вчерашний выпад. Но я точно разберусь, почему тебя так бомбит от собственной матери. Её голос явно стал триггером.

Если любить тебя нельзя, то придётся заняться твоей ментальной коррекцией и причинить тебе добро.

Глава 23. Нефиктивная

Аня

Вторая наша встреча случается уже у алтаря. Точнее – под роскошной цветочной аркой, в окружении гостей и под прицелом десятков фотовспышек.

Я иду под венец в шикарном платье принцессы. Утром в зеркале я себя вообще не узнала – будто высшие силы одолжили мне это тело на один-единственный день.

А вот и мой принц!

Он чертовски хорош: классический чёрный костюм, кипенно-белая рубашка, идеальный галстук... На лице теплая улыбка, а глаза так искрятся, что отчаянно хочется поверить в сказку.

Что, Хромов, похоже, мы отыгрываем свои роли великолепно?

А мы точно играем?..

– Анютка, ты такая...

Ну всё, привет, слёзы. Блин.

Демид одними глазами спрашивает: «Можно?» – я едва заметно киваю. Он мягко касается моих щёк тёплыми, чуть дрожащими пальцами, смахивая слезинки. Слегка дует, и его свежее, прохладное дыхание возвращает мне воздух, но одновременно запечатлевается жарким румянцем на коже.

Смотрю в его серо-голубые глаза – а они тоже подозрительно влажные.

Хромов, но такое ведь точно невозможно сыграть...

Время между нами замирает.

Впитываю свои ощущения, стараюсь навечно вписать этот момент в память.

Солнечные лучи ласкают мужественное лицо и бликуют в его глазах. От яркого света он чуть щурится, но не отворачивается, а всматривается в меня. Кажется, видит больше, чем просто мой образ, созданный сегодня скорее для публики, чем для нас самих. Взгляд Демида тёплый, настоящий, какой-то родной. Разве возможно за такое короткое время стать настолько близкими? Но в эти мгновения мне кажется, будто мы знакомы всю жизнь. И ближе него у меня никого нет... Кроме сестры.

Мы стоим совсем рядом. Чувствую его тепло и ровное дыхание, его аромат и ещё что-то неуловимое, но как будто моё.

Сердце трепещет так, что удары о грудную клетку и шум в ушах я ощущаю физически. От Демида же веет абсолютным спокойствием. Он надёжен и собран как скала, ему куда лучше удаётся себя контролировать.

Он берёт мою руку в свою ладонь и, чуть поглаживая костяшки большим пальцем, пытается меня успокоить. Его прикосновения нежные, медленные и настолько интимные, что мой ошеломлённый мозг просто отключается.

– Анютка, спокойнее.

Я едва заметно киваю. Он одними глазами, из-под опущенных ресниц, дает понять: всё хорошо, он со мной.

В реальность нас возвращают лишь щелчки фотоаппаратов и голос регистратора.

Ведущая церемонии говорит какие-то проникновенные, правильные слова, но я их не слышу. Ловлю каждый жест Демида – он же подскажет, когда и что я должна делать?

А пока... просто дайте мне прожить эти минуты волшебства. В моей жизни больше никогда может не случиться ничего подобного.

В настоящее меня возвращает его бодрое:

– Согласен. Конечно, да!

Взрыв аплодисментов, свист нашей публики...

– Анна... – теперь ведущая обращается ко мне.

Я тоже должна что-то ответить?

Вокруг звенящая тишина, а внутри бушует столько всего, что я просто не могу пробраться сквозь этот хаос и найти правильные слова.

Чувствую, как Демид слегка сжимает мои пальчики. Перевожу взгляд на его лицо – он еле заметно, подбадривающе моргает.

– Да!

Мы сумбурно обмениваемся кольцами.

Его – лаконичный ободок с гравировкой моего имени на внутренней стороне.

Моё... Моё кольцо усыпано дорожкой бриллиантов, которые, кажется, способны ослепить. Безумная красота.

Я не видела их до этого момента, но они мне чертовски нравятся.

Дальше по сценарию – поцелуй.

Одним взглядом Демид спрашивает разрешения, и это больше не игра на публику. Роли стёрты. Мне отчаянно, до боли хочется раствориться в нём, стать частью его. Сердце рвётся наружу, я теряю контроль и сама подаюсь навстречу. Он считывает это движение мгновенно – и перехватывает инициативу.

Его огромные ладони очерчивают мое лицо. Первый толчок губ – робкий, теплый, влажный, но уже через секунду сознание затапливает его вкус и запах. Руки Демида скользят по шее, пальцы путаются в волосах на затылке. Он вжимает меня в себя, углубляя поцелуй до предела, до полного бесстыдства перед замершей толпой. Но фальшь испарилась. Я чувствую, как его тоже ведет от этой близости. Вторая рука ложится на мою спину, фиксируя, забирая в абсолютный плен. И я просто падаю в это небо, полностью доверяя его силе, его опыту и его невозможным, самым правильным губам.

Наш поцелуй длится, наверное, целую вечность, потому что восторженные крики гостей уже вовсю бьют по барабанным перепонкам.

Демид нехотя отстраняется.

Вглядывается в мой поплывший взгляд.

Его глаза лихорадочно мечутся, скользя от одного моего зрачка к другому.

Голос хриплый, сорванный:

– Аня...

– Демид...

Нас обоих сносит одинаково мощной лавиной эмоций. И это не обман, не спектакль и не игра на публику. Но надо отыграть, доиграть роли, прописанные нам на сегодня. И мы послушно включаем актёров. Больше не западая в эту пугающую искренность...

Дальше – наш первый танец, бесконечные поздравления гостей и выматывающая фотосессия у каждого вазона и куста.

Фотографируемся со всеми подряд, даже с нашими питомцами, которые сегодня будто прониклись важностью момента и вообще не хулиганят. А Ириска – та вообще просто золотце!

К нам подходят Сокол со Стасей – поздравляют. Стася тут же утягивает меня в сторону:

– Ты прямо светишься! И Хромов тоже. Я сначала думала – херня какая-то, мы даже с Олегом планировали тебя выкрасть. Но видя вас сейчас, понимаю: мы ни хрена не смыслим в чужих отношениях, но очень рады за вас!

Я сдержанно улыбаюсь.

Эх, знала бы она, что эта карета совместной жизни планирует меня покатать ровно год, а потом превратится в тыкву...

Но не время киснуть. Перевожу стрелки на подругу:

– А вы с Соколом что, пара?

– Нет, ты что! Где я, а где он? Мы просто друзья-волонтёры. Друг поддержал друга, только и всего.

Но глядя на то, какими взглядами Олег провожает Стасю, я ей ни капли не верю.

Интересно, она сама-то замечает собственную реакцию на него?

Там явно бомбит с обеих сторон, плотину вот-вот прорвёт.

Оля с Сеней тоже подходят поздравить. Желают долгой и счастливой жизни, и Сеня выдаёт:

– И детишек побольше!

Вот кто его за язык тянул? Особенно в момент, когда к нам шагает Демид.

Хромов жмёт Сене руку и, скептически окидывая эту пару «просто коллег», многозначительно вставляет:

– Всем нам.

Я густо краснею от его намёка. Оля и Сеня ведь и правда пока только друзья, но Оля тут же смущённо отводит глаза, а Сеня бодро подхватывает:

– Да, всем нам! Дети – это прекрасно.

Что вообще происходит? Сезон свадеб наперегонки объявляется открытым?

Потом всё несётся кувырком: фуршет, танцы, роскошный салют.

Прощаемся с гостями.

Завтра мы должны уехать в тот самый медовый месяц, о деталях которого я в предсвадебной суете даже не успела подумать...

Ириску на выходные забирают Стася и Олег. Они едут в пансионат – ловить рыбу и заниматься всякой интересной для мелкой систер ерундой. После этого Иринка ещё пару дней поживёт у Стаси.

Провожаем их у машины.

Сестрёнка вдруг дёргает меня за край платья:

– А если у тебя будет ребёночек, то я стану тёткой?

Демид вовремя перехватывает инициативу. Он видит, что моё замешательство уже бьёт фонтаном красноречия в виде тягучего: «Э-эм...»

– Иринка, конечно ты будешь тётей. Ты против?

– Хочу! Только если он не будет звать меня «тёткой», а просто Иринкой. И если вы не отправите меня из-за него в деревню к Бабе-яге и гусям.

– Обещаю, не отправим. И все племянники будут звать тебя по имени.

– Тогда планируйтесь и раздражайтесь! Так же говорят? – выдыхает эта мелкая хулиганка.

– Угу, только плодитесь и размножайтесь, – терпеливо поясняет ей Демид, пока я стремительно покрываюсь пунцовой краской и мысленно делаю фейспалм. – Плод – это ребёнок. Размножить – это сделать больше двух.

Но Ириска не унимается:

– А у вас будет больше двух детей? Классно! Будем играть в детский сад или в цыганский табор!

Хромов тихо смеётся, но решает больше ничего не объяснять и с миром отпускает эту мелкую всезнайку.

Мы заходим в дом.

На улице две бригады рабочих уже шумно разбирают подмостки нашего сегодняшнего лицедейства.

А мы заперты, оторваны от всего мира стенами этого особняка.

Маски сброшены. И что теперь?

Кто мы друг другу в этой тишине? Для остальных – муж и жена. А наедине?..

Девочки, ой что будет... Демид и Аня ждут ваших комментариев и предположений о развитии сюжета...

Глава 24. Не по плану, но правильно

Аня

Я прохожу в холл первой.

Сзади тяжело хлопает входная дверь, сухо щелкает замок. И наваливается звенящая, давящая тишина...

Что делают нормальные новобрачные в свою первую брачную ночь? Консумируют брак? Наслаждаются близостью в новом статусе?

Но как быть нам с его запретом на прикосновения без моего согласия?

Мне что, устроить штурм Хромова?

Я невольно улыбаюсь своей бредовой мысли.

Да и глупо об этом думать – я всё равно не решусь.

Странно мне лишаться невинности при таких обстоятельствах, правда?

Хромов ведь наверняка уверен, что после нескольких лет общения с Трайковским на мне клейма ставить негде.

Если бы он только знал, что этот урод со мной творил, возможно, вообще не захотел бы связываться с такой девицей.

Но я это уже проработала. Стопы, конечно, до сих пор моя самая больная тема. Но в психологическом плане и в плане близости... Думаю, я могла бы попробовать.

По крайней мере, меня не корёжит от объятий и поцелуев Хромова. Наоборот, тело охотно отзывалось на его напор. Я определённо готова рискнуть.

Из глубоких размышлений меня выдёргивает голос Демида.

В пустом доме он звучит неожиданно громко, хотя он даже не повышает тона. Я всё равно вздрагиваю.

– Ань, посидим ещё или ты пойдёшь к себе?

Растерянность на его лице и внимательный, читающий взгляд – он будто идёт на ощупь, боясь спугнуть нечто такое, что между нами сегодня зародилось.

Может, для него это лишь игра на публику, но за себя я могу сказать точно: я не играла. Я проживала альтернативную историю с Демидо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.